

Хроники Межмирья

18+

Теодор Фрайзенберг
Артур Штейнберг

Парижский роялистъ

**Артур Штейнберг
Теодор Фрайзенберг
Парижский РоялистЪ**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100077

ISBN 9785005173645

Аннотация

Можете представить, что еще вчера вы листали газету с объявлениями о работе, а уже сегодня убегаете от стражи по канализации, после того как поговорили с братом короля о высоких материях и политическом мироустройстве. И что, если именно вас выбрали главным участником эксперимента Высших Сил? Или это все плод воображения, отягченного «паленым коньяком»? На эти вопросы предстоит ответить Евстахию Жданскому – герою-попаданцу, чьи главные таланты – притягивать неприятности и играть на ложках...

Содержание

Пролог	7
Глава I: Эмигрант	11
Глава II: Первый сон Евстахия	13
Глава III: Менестрель	18
Глава IV: Возвращение	41
Глава V: Взад-назад	80
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Парижский РоялистЪ

Теодор Фрайзенберг
Артур Штейнберг

© Теодор Фрайзенберг, 2020

© Артур Штейнберг, 2020

ISBN 978-5-0051-7364-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Теодор Фрайзенберг в соавторстве с Артуром Штейнбергом.

Хроники Межмирья

Парижский роялистЪ

Манускрипт первый

Оглавление

Основные действующие лица

Наше время

Евстахий Никанорович Жданский – бывший театральный критик, ныне безработный диванный эксперт, убежденный либерал-монархист.

Настасья Аполлоновна Хвощ – чиновница, знакомая Евстахия по театральному буфету. Имеет золотой мерседес

и мерзкий характер.

Аполлон Сигизмундович Хвоц – бизнесмен-промышленник, владелец фабрик, газет и пароходов. Любящий отец Настасьи.

Елизавета Ильинична Хвоц – маман Настасьи Аполлоновны, из интеллигентной семьи, домохозяйка, умеет божественно готовить.

Рудольф Моисеевич Клинолист – профессор нейрофизиологии и онейрологии в загадочном НИИ. Родственник, Аполлона Сигизмундовича, по прабабушке.

Эраст Ардалионович Гугуйский – сотрудник рекрутингового агентства в городе Н., где проживает Евстахий. Убежденный коммунист, прошедший всю юность на заводе имени Фрунзе по выпуску радиоприемников.

Авраим Лейбович Леерзон – запойный драматург, друг Евстахия еще со времен театрального института.

Элеонора Якубовна Герберг – супруга Леерзона, большая поклонница живописи и медитаций. С пренебрежением относится к творчеству супруга и его другу Жданскому.

Париж

Паоло Фарфаллоне – менестрель. Характер стойкий, нордический, обладает повышенной тягой к женщинам и мелкому мошенничеству.

Франческа де Гросан – графиня, дальняя родственница парижского епископа Пьера де Гонди.

Луи Коннард – сержант стражи из квартала Либералиа-

нов. Позже охранник графини.

Эмиль – второй охранник графини Гросан.

Жан Гастон – герцог Орлеанский, принц крови, брат Людовика XIII.

Жак де Вибре – маркиз со связями в теневом мире Парижа.

Жиль Корбу – глава Лиги Заката, тайного общества наемных убийц. Имеет благородное происхождение и темное прошлое.

Шарль де Красс – первый помощник главы Лиги Заката (Жиль Корбу). Изобретателен, беспринципен, любит яды, кинжалы и женщин.

Ги Фарбэр – молодой вор, один из помощников де Красса.

Капуцин – подручный маркиза Жака де Вибре.

Летиция – Бывшая служанка графини Гросан, ныне хозяйка борделя в Руане.

Пролог

Несмотря на то, что август знаменует конец лета, погода стояла превосходная и баловала горожан ярким солнцем, которого не было практически уже два месяца. На одной из узких мощеных улочек города N. было расположено уютное кафе, за столиком которого на террасе расположились два человека. Кроме них в кафе было пусто, не считая скучающей официантки и бармена, неспешно протиравшего стаканы. Посетители пили кофе, вели неспешную беседу и играли в шахматы.

– Что есть жизнь, как не череда взлетов и падений, через которые любой очищается и преображается, чтоб в конце своего пути осознать подлинную ценность данной ему искры? – сказал розовощекий седой мужчина в светло-бежевом костюме, передвигая по доске коня.

Его собеседник, жгучий блондин с темно-карими глазами, в темно-синем костюме и черной рубашке, презрительно поморщился и сделал ход пешкой:

– Жизнь... Люди разбазаривают ее впустую, лишь изредка, по стечению случайности, создавая что-то путное. А уж говорить о том, что они меняются и вовсе смешно.

– Каждый приходит в этот мир с даром, другой вопрос как он его использует. Но изначально любой способен добиться чего угодно. – конь совершил еще один ход и снял с доски

белую пешку.

– Вот только о своем даре они не осведомлены, – блондин хихикнул и двинул вперед еще одну пешку, приготовившись атаковать коня, – а значит и воспользоваться им не могут в полную силу.

Седой замахал руками, да так активно, что едва не опрокинул чашку с кофе:

– Это совершеннейшая чушь и ты прекрасно об этом знаешь! С самого рождения можно уже видеть талант и одна из задач родителя – разглядеть его. Кто-то рано начинает читать, кто-то возится с конструктором, а кто-то начинает петь. Да и дальше по жизни зажигаются различного рода маячки, нужно лишь внимательнее смотреть на события. – проигнорировав пешку он уверенно вывел слона вперед.

– А если родители слишком заняты повседневной суетой и вопросами хлеба насущного? – блондин проигнорировал коня и совершил ход ферзем прямо напротив черного слона, держа под ударом уже две вражеские фигуры. – Да и вообще человеческой природе свойственно находить себе скорлупку поудобнее и забившись в нее, вещать о несправедливости мироздания. Сначала она кажется тесной, но потом человек сжимается в размерах, и она становится для него целым миром. А покидать мир – это ведь так страшно. – он сделал глоток кофе и торжествующе посмотрел на оппонента.

– Ты по-прежнему не веришь в способность человека измениться вопреки обстоятельствам? – седовласый печаль-

но вздохнул и посмотрел на доску. – Ведь порой там, где трудности – там же и величайшие награды. Ведь если вести за ручку, то человек не сможет ощутить вкус победы, а душа его не сможет возликовать от проделанной работы. – резким движением он передвинул ладью и при попытке «съесть» слона ферзь попал под удар.

– Они еще и ленивы. – теперь уже блондин смотрел на доску, но не печально, а с некоторым раздражением. – Взять хотя бы... хотя, тут можно взять любого – это ничего не изменит. Лень, эгоизм и глупость – вот и все, что остается у большинства, когда они достигают расцвета своих лет. – переставив ферзя, он с довольной улыбкой посмотрел на собеседника. – Вам шах, господин гроссмейстер!

Человек в бежевом костюме на секунду задумался, а потом рассмеялся:

– А хочешь пари?

Блондин оживился:

– Смотря какое. Последний раз ты подловил меня на какой-то несущественной детали и перевернул все с ног на голову.

– Ловить на деталях это по твоей части, – седой продолжал добродушно улыбаться, но глаза его были уже серьезными, – в общем давай проверим твою теорию. Выбирай игрока, а я построю ситуацию. Условие только одно – ни один из нас не имеет права прямо вмешиваться. Дойдет до финиша – прав я и с тебя коньяк! Ну, а если не дойдет....

– То прав я! – закончил фразу блондин и в его взгляде загорелись искорки азарта. – Только чур приз я сам выберу.

– Да без проблем. – седой откинулся на спинку стула и сделал глоток кофе. – Выбирай игрока!

Поговорив еще несколько минут, они поднялись и ушли, оставив доску с фигурами на столе. На ней, придавленные фигурой короля, лежали несколько крупных купюр. Официантка сложила фигуры в доску, забрала купюры и подошла к бару.

– Что, Ларка, на чай хорошо оставили? – бармен ухмыльнулся. – Вроде и день пустой, а с посетителями повезло.

– Да уж! Первый раз так расщедрились, а я уже лет пять как работаю. – официантка задумчиво посмотрела на доску, вспоминая обрывки разговора. – На вот, спрячь у себя. Вдруг вернуться, не хотелось бы разочаровать таких клиентов.

Акт первый. Париж взад-назад.

Глава I: Эмигрант

Холодным весенним мартовским вечером в одном из домов по Аноскопическому переулку на кухне сидел помятый гражданин в шелковом шарфе и пил коньяк. Горящие глаза выдавали бурю, клокотавшую в душе, а пепельница, полная окурков от самокруток, лишь усиливала подозрения. Человек (пусть его будут звать Евстахий) нервно сжимал кулаки и периодически бормотал себе под нос:

– Задолбали! Жалкие людишки, возомнившие о себе!!! – Евстахий залпом проглотил полстакана коньяку и скрутил трясущимися руками очередную сигарету. – Они не способны понять и оценить мой талант и лишь готовы платить за работу сущие гроши, которых после уплаты всех расходов, не хватит даже на поход в театр с Настасьей Аполлоновной, не говоря уже про оперу или... – он сладостно зажмурился, – визит в Париж, с обязательным посещением Лувра и Мулен-Руж.

Вопросом, хочет ли Настасья Аполлоновна в Париж в целом и в обществе Евстахия в частности, он не задавался.

– Решено! – сказал себе Евстахий, яростно туша сигарету в пепельнице. – Уезжаю! Вот только куда... Мне необходимо попасть в страну, где есть свобода взглядов, по достоинству оценят мой талант и будут нормально платить. Справлю Настасье Аполлоновне шубу из песка и новую сумочку,

уж тогда она от похода в оперу точно не отвертится. А там и до регулярного соития недалеко.

При мысли о соитии Евстахий радостно заглоти́л остатки коньяку, ощутив теплую волну от оных и, полный радужных надежд, отправился почивать на широкий, изрядно продавленный местами диван, мгновенно провалившись в сладкий алкогольный сон.

Глава II: Первый сон Евстахия

Потягиваясь и шумно зевая, Евстахий открыл глаза. В первый миг он подумал, что все еще спит и, резко зажмурившись, распахнул глаза еще раз, но ничего не изменилось: прямо перед его носом на паутинке висел маленький паук и смотрел на него всеми своими восемью глазами и с явным осуждением. Евстахия передёрнуло – он как будто снова оказался у венеролога, у которого ему «посчастливилось» очутиться в молодости по пустяковому делу – банальному трипперу, подхваченному после банкета в театральной примерке. Мало того, потолок был тоже не его, к тому же окно, крошечное и без стекла, испускало яркий утренний свет, а Евстахий уже много лет не ложился спать лицом к окну, однажды узнав из интервью с доктором Поповым (тем самым, который советовал лечить геморрой огурцами), что это крайне вредно для ритмов сна.

– Что происходит, тысяча чертей?! – он взметнулся из кровати камчатским гейзером, но тут же пребольно ударился макушкой о балку. – Да где я вообще?!

Аккуратно слезая с кровати, чтоб не зацепить что-нибудь еще, Евстахий обнаружил немало других странностей: ржавый ночной горшок на полу, огарок свечи в блюдце, на уродливом крошечном столике и, собственно, то, что сам он одет в длинную белую рубаху до пят, притом неоднократно што-

панную.

«Это какое-то безумие просто! Видимо друзья меня решили разыграть к дню работника театра». – подумалось ему.

Но тут же вспомнил, что к своим сорока семи с хвостиком у него остался всего один друг – драматург Леерзон, да и тот никак не мог его сейчас разыграть, ибо, по слухам, он три дня уже как пребывает в творческом запое и последний раз его видели вчера, садящимся на теплоход «Гордость Фарватера» в компании двух длинноногих шатенок, а круиз «Гордости» длится минимум неделю.

– Putain, qu'est-ce qui s'est passé ici?¹ – Евстахий поймал себя на мысли о том, что мало того, что он выругался матом, что было для него не свойственно, так еще и сделал это на французском.

«Putain de merde!² Да я ж и думаю на французском – вот это поворот!» – от подобного озарения Евстахий ажно плюхнулся обратно на кровать, по ходу действия опять болезненно ударившись об балку, и оглушительно пукнул.

Это стало своеобразным «залпом Авроры» и положило начало целой канонаде из соседних помещений, от чего интеллигентный Евстахий пришел в тихий ужас и начал про себя пересчитывать литерные ряды в Мариинке – он всегда так делал, когда ему было страшно и непонятно. После прекращения канонады и сбившись где-то на левой стороне бал-

---

¹ Что, падшая женщина, здесь происходит? (фр., вольный авторский перевод).

² Вот это да! (фр., очень вольный авторский перевод).

кона второго этажа, наш герой понял, что надо срочно что-то делать.

«Первым делом надо найти какую-то одежду вместо этих лохмотьев. Не могу же я отправиться на улицу в исподнем, как партизан, ведомый на расстрел...» – оглядев комнату еще раз, взор упал на сиротливо стоящий в углу шкаф с перекосенными дверцами.

Содержимое шкафа было не менее убого: потертые кожаные шоссы³, давно нечищенные сапоги-ботфорты, выдавшая виды шелковая рубашка с кружевным воротничком и венчала картину широкополая шляпа с плюмажем. Шляпа выглядела как новая, если не считать того, что в центре тульи зияла приличная дыра.

«Если дождь или птица решит нагадить – она меня не убежит. С другой стороны, проходим не видно, а кто знает, как здесь относятся к людям без шляпы – примут еще за простолудина». – подумал Евстахий.

Он натянул на себя найденное тряпье, обулся в ботфорты, предварительно потеряв их подолом рубахи и распахнул дверь в дивный неизведанный мир. Мир к герою симпатии определенно не испытывал и встретил его неласково: луково-капустным смрадом и лестницей, ведущей куда-то вниз в потемки. Евстахий отважно ступил на лестницу и тут же об этом пожалел – гнилая доска на ступеньке проявила ко-

---

³ Шоссы (фр. *chausses*) – подобие штанов, плотно облегающих ноги, обычно из плотной ткани или др. материалов.

варство и, подломившись, с глухим треском, отправила нашего героя в короткое, но болезненное путешествие вниз. Фортуна явила свою благосклонность и вместо дощатого пола и бревенчатых стен Евстахий угодил прямиком в сваленную прямо у лестницы кучу белья. К счастью, для него на этом злключения прекратились (как минимум на время) – прямо перед собой, он обнаружил дверную ручку, – и это оказался его путь на свободу.

Уличный пейзаж являл собой натуральную средневековую гравюру – грязные, покосившиеся домишки с соломенными крышами, мостовая из брусчатки и видневшийся вдалеке шпиль замка, редкие прохожие не обращали на него никакого внимания. Теперь нужно было понять куда идти и что делать. Из театральных постановок Евстахий знал, что лучший источник информации – это таверна, а таковая должна всенепременно попасться ему на глаза, стоит лишь повнимательнее разглядывать вывески.

«Заодно и попробую понять, в каком я городе вообще и что за время...» – с этой мыслью он бодро направился вверх по улице.

Буквально через два квартала, миновав конюшню, пекарскую лавку и цирюльню, он наткнулся на вывеску, изображающую какое-то существо розового цвета, отдаленно смахивающее на коня, и надпись «Le grande roter de licorne»⁴. Евстахий был уже готов ввалиться туда, но внезапно остано-

---

⁴ Большая отрывка единорога. (фр., вольный авторский перевод).

вился, ошеломленный простой, но очевидной мыслью – в таверне, находящейся невесть где, невесть в каком времени, в долг ему, увы, не нальют. Он яростно начал похлопывать себя по одежде в надежде отыскать хоть какой-то предмет ценности и удача улыбнулась ему вновь – на поясе шоссов он обнаружил кожаный мешочек с несколькими монетами, причем судя по тому, что они были серебряные – в руках у него было не меньше нескольких ливров, что внушало надежду не только на ужин, но еще и на приличную комнату – дорогу в чулан, в котором он очнулся, Евстахий не вспомнил бы и под угрозой эшафота, а ночевать на улице ему не позволяли внутренние убеждения и сибаритская натура.

«В крайнем случае придется искать какую-нибудь вдову и надеяться, что Настасья Аполлоновна с ее батюшкой ничего не узнают. Если что, то сошлюсь на исключительные обстоятельства». – с этой мыслью он распахнул дверь таверны.

Глава III: Менестрель

Таверна встретила нашего героя гарью, шумом и резким запахом селедки, немедленно вызвавшей у Евстахия воспоминания об Анфисе, театральной костюмерше 42-х лет и очертаниями картофельного мешка, с которой он имел неосторожность предаться возлияниям после спектакля в гримерке, переросшим в бурный, но безрезультатный коитус. Селедку с тех пор Евстахий не переносил категорически.

Внутри было довольно многолюдно, поэтому пришлось довольствоваться единственным свободным столиком, расположенным рядом с компанией постоянно гогочущих девиц, окружавших единственного мужчину. Брезгливо поморщившись, он присел на скамью и начал оглядывать зал в поисках местного аналога официанта.

– Чего изволит господин? – непонятно откуда взявшийся мальчишка замер перед ним с полотенцем.

«Святые угодники, прям натуральная смесь гарсона и клошара». – подумал Евстахий.

– Принеси-ка мне чего перекусить и пива, паренек. Да пошустрей! – он решил подражать средневековой манере общения, в том формате, в котором он ее видел на сцене при постановке «Айвенго». – Я чертовски голоден!

Парнишка исчез, а мужик за соседним столом извлек из-

под стола нечто, похожее на лютню, и затянул песню:

Жил-был на свете жирный тролль
Построил славный мост
Но стал он мзду с народа брать,
С прохода – вот прохвост!

Брал он и пивом, и вином
И золотом с господ
Бывало, брал и чем другим,
Коль девушка идёт...

Э-эх! Ух! Как нравилось весьма ему, коль девушка идёт.

Сидел на пне и мзду он брал,
С пня свесив бубенцы
В кустах копался кот Бертран
Точил он когтицы

Увидев кожаный мешок,
Бертран наметил цель,
Но о последствиях таких
Не ведал хищный зверь...

Э-эх! Ух! Бертрану попадёт,
Коль голосащий жирный тролль в кустах его найдёт.

После окончания столь экстравагантной песни часть посетителей, надо заметить в изрядном подпитии, начали хло-

пать и стучать кружками, требуя продолжения, и Евстахий искренне опасался, что он пойдет им навстречу.

«Второго выступления я не переживу без изрядной дозы пива, а на сухую слушать такое – лучше уж сразу голову на плаху. Где этот засранец с моим заказом?» – мысли в его голове проносились со скоростью вышедшего на орбиту корабля «Восток-1».

Тем временем «златогласый соловей» решительно стряхнул с себя повисшую на шее пассиву, прихватил кружку и, скакнув резвым кабанчиком, ловко присел к Евстахию за столик.

– Месье не возражает? Разрешите представиться – Паоло Фарфаллоне⁵, бродячий менестрель. – сделав легкий кивок головой он продолжил. – Странствую по городам и весям, развлекаю публику своим талантом. Недавно вот даже был на приеме у герцога Анжуйского – он, надо заметить, высоко оценил мои способности.

«Бабник, пьяница и хвастун!» – наметанным глазом человека, долгое время вращающимся в театральных кругах, определил Евстахий. – «Ладно, поглядим, не в моем положении раскидываться знакомствами, пусть даже и такими».

Мальчишка наконец-то притащил кувшин с какой-то кислой бурдой, отдаленно напоминающей Жигулевское пиво и кусок мяса с квашеной капустой на тарелке, от чего герой настроился на благодушный лад.

---

⁵ В переводе с итальянского – бабник. (прим. автора).

– Евстахий, э-э-э русский купец, путешествующий инкогнито. Еду из Москвы в Ниццу, вот заодно решил посетить ваш город, ознакомиться, так сказать, с культурными ценностями. Заодно может и деловые связи завязать, – местное пиво действовало с потрясающей скоростью и его «несло», – путешествие путешествием, а о делах забывать не стоит.

– Bravissimo!⁶ Русский купец и где – здесь в Париже! – восторженно воскликнул менестрель. – Я встретился на вашем пути не просто так, месье, хоть я и простой менестрель, но имею связи в высшем обществе. Как я уже говорил, я вхож даже к герцогу Анжуйскому, а уж он кого попало в дом не пустит! – глаза менестреля загорелись диким огнем наживы.

«Ну вот, значит я в Париже...» – подумал Евстахий и посмотрев на довольную рожу менестреля, продолжил мысль, – «В бордель ты вхож. И то с черного хода. И венец твоих связей – бандерша в этом самом борделе, которая живет воспоминаниями о вашем случайном романе. Но авантюрист ты явно знатный!»

В этот момент дверь таверны в очередной раз распахнулась от пинка снаружи и внутри воцарилась неожиданная тишина. Дверной проем перегораживали два стражника и рослая дама, одетая в дорожное платье и, похоже, из благородных. На удивление Евстахия – дама выглядела вполне симпатично и все зубы были на месте, вопреки расхожему мнению о стоматологических проблемах людей далекого прошлого.

---

⁶ Великолепно (ит.)

Зубы он сумел оценить в тот момент, когда мадемуазель (или мадам?) мазнула взглядом по таверне и, поймав в прицел Паоло, хищно ослабилась.

– Вот ты где, *enculé de ta race la maudite!*⁷ Думал, что выйдет так просто от меня сбежать и затеряться в Париже? Дурю из меня хотел сделать?! Сейчас тебя закуют в кандалы и бросят в мое подземелье, где много жирных и о-о-очень голодных крыс!!! – в голосе незнакомки яда было столько, что удивительно, как он еще не капал с прекрасных зубов, так высоко оцененных Евстахием.

– Франческа, душа моя, клянусь всеми святыми, ты все не так поняла. Я вышел на прогулку, а вот это господин, между прочим, русский купец, важный человек. – менестрель хлопнул по плечу Жданского, тот открыл было рот, изумленный такой наглой ложью. – Он хотел узнать дорогу в Ниццу, ну и потом внезапно предложил мне небольшое путешествие за весьма щедрый гонорар. Который я хотел потратить на свадебный подарок тебе. Пару недель и я бы вернулся назад, к моей горячо любимой графине.

– Вот как?! Ну, значит посидите в подземелье оба, пока я подумаю, то мне с вами делать... – графиня явно не собиралась таять от умиления и как всякая брошенная женщина – жаждала крови.

– Мне нельзя в подземелье, у меня там будет цистит и вообще, я могу застудить простату! – потрясенный Евстахий

---

⁷ Редиска, негодяй, нехороший человек (фр. вольный авторский перевод.)

аж перешел на фальцет. – Вы не имеете права, я буду жаловаться!

– Куда? В церковный суд? – девица ухмыльнулась. – Так там мой дядя главенствует. Взять их!

Стражники рванули с места, но метко пущенный менестрелем кувшин отправил в нокаут первого, а второй растянулся на полу, споткнувшись о чью-то ногу.

«Народ-то явно на стороне менестреля!» – мелькнула у Евстахия мысль, впрочем, она была резко прервана тем, что кто-то потащил его за руку в сторону трактирной стойки.

– Давай за мной, уйдем через двор! – под истошные вопли разъяренной графини и улюлюканье толпы они нырнули в неприметную дверь за стойкой, где Паоло, лавируя как змея, вытянул их на задний двор, где к большому облегчению Евстахия, оказалось безлюдно.

– Давай пошевеливайся, поймают – познакомишься с графским подземельем! – менестрель уверенно сиганул через забор и, не дожидаясь спутника, быстро побежал в переулок.

– А я-то тут причем?! – возмутился тяжело дышащий, припустивший следом Евстахий. – Зачем ты вообще втравил меня в эту историю? У нас это называется – подстава!

– У вас? – Паоло с ехидцей посмотрел на собеседника. – Это где это у вас?

– Эм-м-м, у нас на Руси.. – слегка стушевался Евстахий осознав, что совершенно не имеет никакой легенды, равно

как и представления о том, как принято вести себя в данном времени, и любой мало-мальски проницательный человек раскусит его на раз.

Паоло внимательно посмотрел на своего спутника и многозначительно хмыкнул:

– Уж не знаю, кто ты и откуда, но совершенно точно не купец. Впрочем, сейчас нет времени на разговоры. Надо покинуть это место, пока нас не загнали как лис, с графини станется!

– А что ты такого натворил, мой новоявленный друг, позволь узнать? Судя по настрою, ты изрядно ее разозлил и вряд ли своими песнями. – съехидничал Евстахий.

Менестрель тяжело вздохнул:

– Долгая история, оставим разговоры на потом, а пока давай за мной! – и стремительным шагом направился вглубь переулка.

Спутники поневоле шагали около часа, менестрель постоянно нырял в какие-то подворотни и проулки, вел их сквозь арки между домов и вскоре Евстахий пришел к мысли, что подобные побеги его блудливому компаньону не впервой. Внезапно Паоло встал как вкопанный, да так резко, что Евстахий влетел прямиком ему в спину и едва удержался на ногах.

– Что такое? Заблудился, «Сусанин»? – Евстахий вложил в эту фразу весь отпущенный природой сарказм, но менестрель не обратил на него внимания.

– Вот дьявол! Видимо не туда свернули, подзабыл город... – Паоло выглядел растерянным.

«Оно и видно, похоже, от знатных баб со стражей давненько ты не бегал, „Казанова“, хренов». – Евстахий мысленно усмехнулся. – «Бренчал небось графине на лютне, а может и не только, да по ушам рассказами ездил о светлом будущем, да безоблачных небосклонах семейного счастья и бока наращивал, вот стаж-то и подрастерял».

– Так в чем проблема-то, собственно, амиго? – полюбопытствовал Евстахий.

– Мы вышли напрямиком в квартал Либераллиан, а это нехорошо, совсем нехорошо... – менестрель озадаченно почесал затылок.

Евстахий огляделся по сторонам и не заметил ничего «нехорошего» – дома были куда приличнее, чем те лачуги, которые они проходили раньше, улицы чище и в целом выглядело весьма прилично для средневековья. Только вот, что-то в этом было неправильное, только он никак не мог понять – что именно. Паоло, тем временем, судя по постоянно меняющемуся выражению лица, лихорадочно обдумывал какую-то мысль.

– Чем так известен этот квартал? – Жданский прервал мыслительный процесс Фарфаллоне.

Менестрель оторвался от дум и изумленно взглянул на Евстахия:

– Ты что же, ничего не слышал про это место?!

– Нет, я ж говорил, что у вас тут недавно и как-то не задавался целью изучать историю парижских кварталов, да и вообще, были другие дела. – Евстахий для важности даже надул щеки.

– Ага, прям крупный воротила, заключал сделку с торговой палатой Франции, по поставкам шляп с дырой в центре, для перманентной связи с Всевышним, – Паоло возвел очи горе и осенил себя крестом, – Не иначе как «dernier cri à la Russe»⁸ или откуда ты там на самом деле... – язвительно заметил он, – Ладно, в двух словах – это квартал «Либераллиан», которым указом Ришелье разрешили открыто исповедовать свои взгляды, совершать таинства и использовать особый дар. Но, так как обычный народ считает их безбожниками и их ценности не разделяет, им разрешили селиться в отдельном квартале. Они тут даже могут открыто проводить обряды, чертовы малефики!⁹ – Паоло сжал кулаки. – А еще у этого квартала есть особенность – он отражает тайные страхи. Каждый видит в нем то, чего боится больше всего.

Жданский вдруг понял, что его насторожило в пейзаже, который наблюдал: манерная слащавость и кричащие цвета, а на одной стене, он мог поклясться, была написана эта

---

⁸ Последний писк русской моды (фр.)

⁹ Малефик (от лат. maleficium) – преступление, злодеяние. Иногда применимо к людям со колдовскими способностями, ведьмам и колдунам, например.

странная фраза «L'homophobie Rend Folle»¹⁰. Пазл окончательно сложился в его воспалённом мозгу и он разом вспомнил бар «Голубая устрица», фильм «Горбатая гора» и дядю Борю из Химок, бывшего соседа по лестничной клетке, любившему по пьяни курить шмаль на лестнице в дамских чулках, за что он с пацанами постоянно мазал ему дверную ручку собачьим дерьмом.

– Я туда ни ногой, сам иди этим к содомитам, – сказал Евстахий подрагивающим от возмущения голосом, – Кто их знает, что им там в голову придет, «Либераллианам» этим. Уж лучше в подземелье графини, к крысам – к ним хоть задом можно поворачиваться.

– Если крыска тебе отгрызет во сне «le petit zizi»¹¹, то тебе потом будет уже все равно, к кому поворачиваться задом. – печально заметил менестрель. – Я сам не в восторге, но другого пути у нас нет. Кстати, а причем тут «поворачиваться задом»? – подозрительно посмотрел менестрель на Жданского, а затем понимающе хлопнул себя по лбу и заливисто рассмеялся. – Так вот он значит какой, твой самый страшный страх! Даже боюсь представить, что ты там видишь.

– А что видишь ты, интересно? – ехидно парировал Жданский.

Менестрель моментально перестал смеяться.

– Тебе лучше не знать... – тихо произнес он, провожая

---

¹⁰ Гомофобия сводит с ума (фр.)

¹¹ Маленькую колбаску (фр., вольный авторский перевод)

взглядом что-то в небе. – Ладно, пошли, надо выбираться из этого чертова места.

Паоло, понурившись, а Евстахий смешно семеня, тяжело ведь передвигаться со сжатыми ягодицами (сами попробуйте), не спеша двинулись внутрь квартала.

Квартал «ужасал» Жданского аккуратно мощеными улицами (во дворе у Евстахия дело с дорогой обстояло куда хуже) и вычурными домами, затейливо украшенные разными завитушками и выкрашенными в разноцветные цвета, если бы строения были людьми, то можно было бы сказать, что они излучают манерность и праздность. От этого он чувствовал себя вдвойне неуютно, представляя, как ничего не подозревающие прохожие могут войти в такой вот домишко и покинуть привычный мир традиционных ценностей навсегда.

– Ты вот что, – прошептал Паоло своему понурому спутнику, – Держись поближе, а лучше возьми меня за руку.

– В ловушку решил меня заманить?! – возмущенно зашипел Евстахий. – Завел в этот квартал, сейчас уронишь пару су и предложишь поднять и всё, прощай честь купеческая?

– Не шуми, болван! – шикнул Паоло. – Помни, что я говорил про наваждение. Мне самому твоя мозолистая рука не нравится. Нас тут быть не должно и, если нас примут за чужаков, то могут схватить и поволокут разбираться к префекту, а так хоть увидят, что мы в месте и, возможно, обойдется. А префект, по слухам, очень «любит» русских купцов. – Фарфаллоне подмигнул передернувшемуся Ждан-

скому.

– А вдруг префект сменил вкусы и теперь тяготеет к деятелям искусства, к менестрелям, например? – Евстахий гнусно ухмыльнулся в ответ, но таки взял менестреля под ручку и изобразил на лице расслабленно-скучающую мину. Менестрель пропустил комментарий мимо ушей и они молча продолжили свой путь по кварталу.

– Пока нам везет, – несколько минут спустя Паоло решил нарушить тишину, – Уже большую половину квартала миновали. Еще немного и покинем это дрянное местечко, а там можем разойтись каждый по своим делам

«Большую половину», – мысленно хихикнул Евстахий, – «Видно церковно-приходскую школу поэт-песенник посещал через раз».

Впрочем, перспектива оказаться одному быстро заглушила эйфорию от саркастических мыслей, ведь он толком то ничего и не знал о Париже 17-го века, примерно так он оценил время, в котором оказался. Хотелось бы понять, как он тут очутился и, самое главное, как отсюда выбраться. Поэтому расставаться с так удачно подвернувшимся пронырой-менестрелем ему ой как не хотелось.

– Вот что, – дружелюбно ответил Евстахий, – А давай-ка я тебя пивом угощу, а то из-за твоей этой графини даже толком выпить, да поболтать не вышло...

Услышав про перспективу халявного пойла, менестрель внутри изрядно приободрился, но не подал виду.

– Ну, в принципе, часик-другой я могу на это выделить. Тем более сразу за этим кварталом есть отличное местечко, с отменным пивом и прекрасными официантками, – ответил он.

Позабыв где находятся, они тут же завели оживленный спор о преимуществах сидра и светлого пива, который прервал внезапный грубый окрик:

– *Ruffians, qu'est-ce que vous cherchez ici?*¹²

Паоло и Евстахий замерли как статуи и очень медленно повернулись на голос. Прямо перед ними, как два черта из табакерки, материализовалась пара рослых бородатых стражников, в диковинных женоподобных нарядах, во всяком случае так их видел Жданский. Нечто подобное Евстахий лицезрел по телевизору, на одном известном музыкальном конкурсе: длинные волосы торчали из-под бургонетов¹³, украшенных плюмажем, кирасы же были окрашены омерзительной розовой позолотой. Аккуратно подстриженные бородатые лица стражников выражали манерность и лёгкое презрение к окружающему, но не очень походили на мину Евстахия, впрочем, и бороды у последнего не наблюдалось, лишь жидкая щетина клочками кучковалась по подбородку, да смешной букет из волосков, торчащих из родинки на щеке.

Служители порядка оглядели их с головы до ног и один

---

¹² Оборванцы, вы что здесь ищите (фр.).

¹³ Бургиньот, бургонет (фр. bourguignotte – бургундский шлем).

с подозрением спросил:

– Vous-êtes clochards ou quelque chose?¹⁴ Что-то мы вас тут раньше не видели.

Евстахий перевел взгляд на Паоло. Его лицо не выражало ничего конкретного, лишь зрачки были расширены, будто бы он видел что-то сверхъестественное. Фарфаллоне сморгнул, отводя наваждение.

– Месье капитан! – внезапно хнычущим голосом произнес менестрель. – Мы всего лишь бедные артисты. На рынке к нам подошел солидный господин и попросил нас устроить выступление в хозяйском доме, дал эцю и пообещал еще полтора ливра по окончанию. Он должен был нас встретить у «Пряничного домика», сказал, что это через два квартала от таверны «Le Caméléon Joyeux»¹⁵, обещал встретить, но мы ходим тут уже битых полчаса и никак не можем найти.

Стражники заржали:

– Ты слышал, Пьер, они ищут «Веселый хамелеон». Вы вообще в курсе, полудурки, что это за место вообще? И вообще – я сержант!

– Никак нет, мой сержант! – подобострастно заявил Паоло. – Мы бродячие актеры и впервые в Париже, вот решили немного подзаработать. К тому же мой брат-дурачок неплохо танцует, хотя вы видите, как он странно себя ведет при виде уважаемых господ стражников.

---

¹⁴ Вы бомжи какие-то или кто вообще? (фр.).

¹⁵ Веселый хамелеон (фр.).

Во время разговора Евстахий стоял, отвесив челюсть, и бешено вращал глазами, тонкой струйкой пуская слюну, а также издавал звуки, которым позавидовал бы сам Шариков, в период метаморфозы из собаки в человека.

Оба стражника расхохотались еще больше:

– Молитесь своим актерским богам, что они уберегли вас от этого «выступления».

Отсмеявшись, тот стражник, которого Паоло назвал «мой сержант» продолжил суровым голосом:

– А теперь ну, пшли вон отсюда, полудурки! Еще раз встретим – отправим к префекту для объяснений, а объяснения ему лучше слушаются в темнице, там акустика хорошая. Идите прямо и никуда не сворачивайте, примерно через 125 туазов¹⁶ квартал закончится, если встретите других стражников, скажете, что Луи Коннард¹⁷ приказал вас вышвырнуть за ворота. Все ясно? – он строго посмотрел на артистов. – Для кретинов, 125 туазов – это примерно 450 шагов, может и все 500... ваших.

На этой фразе Паоло начал кланяться, пятиться и бормоча слова благодарности «моему сержанту», потянул за собой совершенно обалдевшего Евстахия-дурачка. Дождавшись пока, они исчезнут с поля зрения стражи, менестрель выпрямился и придал лицу обычное беззаботное выражение:

---

¹⁶ Туаз (фр. toise) – французская единица длины, использовавшаяся до введения метрической системы. 1 туаз = 1,949 м.

¹⁷ Придурок, мудак, говнюк. (фр., вольный авторский перевод).

– Ты так на меня не смотри, mon amie¹⁸, как будто я тебе должен два пистоля¹⁹, – поймав на себе возмущенный взгляд Евстахия сказал Паоло, – Ситуацию надо было спасать, пришлось импровизировать, иначе нас бы точно упекли в темницу. А сейчас прими снова тот придурковатый вид, который у тебя был, и давай выбираться из этого гиблого места.

Некоторое время спустя наши герои вышли к воротам, ведущим из квартала и, на удивление, беспрепятственно их миновали – никто из стражи даже не соизволил выйти к ним навстречу. Оказавшись за воротами, оба спутника облегченно вздохнули и посмотрели друг на друга.

– Ну что, в таверну, мон ами? Вижу, что тебе нужно залить сие приключение добрым элем. – Фарфаллоне хлопнул вытянувшегося как струна Жданского по плечу. – Судя по твоему лицу, ты булками способен сейчас переломить дубовое древно гвардейской алебарды. Кстати, а деньги-то у тебя есть? – Паоло выжидающе смотрел на попутчика.

Тот тяжело вздохнул и начал шарить по карманам. Обнаружив монеты на месте, он еще раз вздохнул, пробормотал что-то про падение нравов и вяло махнул рукой – веди мол.

Менестрель бодро зашагал вперед, насвистывая песенку про тролля, а Евстахий устало, но всё более плавно поплелся за ним – его сжатые до хруста булки начали расслабляться. Когда Паоло добрался до последнего куплета, они подо-

---

¹⁸ [Мон ами] Друг мой (фр.)

¹⁹ Самая крупная золотая монета. (прим. автора).

шли к приземистому зданию с крышей из красной черепицы, а вместо вывески болталась стальная клетка со скелетом внутри.

– Ч-что это? – застонал Евстахий. – Только не говори мне, что ты упырь или вурдалак какой.

От пережитого он соображал не очень и был поверить во что угодно, он даже был готов поклясться, что слышит вращение шестеренок в своей голове, а стуку сердца позавидовал бы любой паровой молот.

– Тебе явно требуется расслабиться! – обеспокоено сказал Паоло. – Знакомься! – он ухмыльнулся. – Таверна «L'abri des morts».²⁰ А это скелет последнего посетителя, решившего влить в себя вина и шампанского на 3 луидора и уйти не расплатившись. Эй-эй, я пошутил! – менестрель увидел, что его спутник побледнел так, что позавидовало бы шёлковое бельё графини, начал хватать ртом воздух и медленно сползать по стенке. – Хозяин таверны выкупил этого бедолагу у палача на Монфоконе²¹, когда тот уже порядком подистлел. Особо буйным посетителям это напоминает о непостоянстве бытия и остужает горячие головы. Но нам-то это не грозит, так ведь? – с этими словами менестрель, хитро подмигнув Жданскому, толкнул дверь и вошёл.

Войдя в таверну, Евстахий, первым делом, ухватил за во-

---

²⁰ Приют мертвецов (фр.)

²¹ Монфокон (фр. Gibet de Montfaucon) – огромная, многоэтажная, каменная виселица.

рот рубахи пробегающего мимо гарсона, с подносом и стащил с него кувшинчик с пивом. Официант недобро посмотрел на столь странного посетителя, но тут же расплылся в улыбке, получив серебряную монету. Не дожидаясь, пока проныра-менестрель найдет им местечко, Евстахий в четыре глотка осушил кувшинчик:

– Повторить! – рявкнул он гарсону.

Тот посмотрел, с уважением, кивнул и засеменял прочь.

Несмотря на относительно теплую погоду, в таверне потрескивал камин, внутри которого жарили свиную ногу. На первый взгляд таверна была забита до отказа, но ушлый Паоло отыскал столик где-то в глубине зала, залиvisto присвистнул и помахал оттуда своему спутнику.

Дождавшись мальчишку с новым кувшинчиком пива, они сразу же заказали еще один, а также croûtons²² и доброй порции хлеба с курицей, морковью и перловкой. Осушив свой стакан и долив до краев из кувшинчика, Паоло с любопытством уставился на Евстахия.

– Ну, давай рассказывай, мон ами, кто ты, откуда и что тебя занесло в наши края?

Евстахий задумчиво заглянул в глиняную кружку с пивом. После кувшинчика, влитого в себя за один присест, в него пока не лезло.

– Я один пропущу... – вяло сказал он и вращательными движениями начал лепить пену к стенкам кружки, как буд-

---

²² Сухарики (фр.)

то надеялся таким образом спастись от расспросов ушлого спутника, а потом спросил в ответ. – А с чего ты решил, что я не купец с Руси?

Менестрель беззлобно рассмеялся:

– Это очевидно любому. Выдаешь себя за купца, при этом одет как бастард обнищавшего маркиза и совершенно не знаешь правил приличного тона. Ни один уважающий аристократ, как бы нищ он не был, не наденет шляпу с дырой, тем более, при наличии в кармане звонкой монеты – это *mauvais ton*²³, мон ами. К тому же ты постоянно пялишься по сторонам, притом с такой миной, будто увидел сарацинов-безбожников, а не честной народ – видно, что тебе это все в диковинку. Отсюда я сделал вывод, что у тебя есть какая-то тайна, – заключил менестрель, – а знаешь, что я люблю больше вина и женщин? – Паоло перегнулся через стол и заговорщицки прошептал. – Тайны!

Откинувшись назад и дождавшись, пока мальчишка-разносчик заберет пустой кувшин, разложит яства и уйдет, и уже серьезно поглядел на Евстахия и добавил:

– Имей в виду, мон ами рюс²⁴, что таким наблюдательным могу быть не только я, кто-то другой может решить, что твоя тайна очень интересна и ее лучше разузнать в каком-нибудь укромном месте. Ну, не знаю, в пыточной, например – тебе

---

²³ [Моветон] Дурной тон (фр. обычно устар. или ирон.) – поведение, манеры и поступки, считающиеся неподобающими, неприличными.

²⁴ Мой русский друг (фр.).

какая по-душе? Та, что в подземельях Бастилии или личная тюрьма Армана-Жана дю Плесси?

– К-Кого?! – проямлил Евстахий, он стремительно пьянел.

– Ты что, совсем идиот? Ришелье! Это герцогское имя, я надеюсь, тебе о чём-то да говорит?! И поверь, там работают люди, которые УМЕЮТ спрашивать. – бросил Паоло раздраженно.

«По-па-дья...» – пьяно подумал ослотивший Евстахий, сразу вспомнив ладную попадью отца Алексея из Химкинского храма Святой Троицы на Сходне. – «Так, стоп! Какая попадья?! Отставить попадью! Так, надо собраться, видимо придется признаться этому ушлому менестрелю, другого пути у меня нет. Хотя далеко не факт, что он мне поверит...» – мысленно Евстахий взвесил все pro et contra,²⁵ насколько это было возможно в его состоянии, и окончательно решил, что сам он с проблемой пребывания в этом мире не справится.

– Je dois sortir²⁶, мой пронизательный друг, я освежусь и поведаю тебе невероятную историю. – подмигнул Евстахий.

– Как выйдешь из таверны, сверни за угол и справляй нужду – это ж таверна. Только не подумай сбежать – это будет глупо, я бы так не делал, будь я на твоём-то месте. – подмиг-

---

²⁵ За и против (латин.).

²⁶ [Жё дуа дэ сорти] Дословно «мне надо выйти» (фр.) – фраза употреблялась, когда необходимо было выйти по нужде, впоследствии став нарицательной.

нул Паоло, расплывшись в широкой улыбке.

– А ты-ы и ни на майом мести-и... и-ик! – огрызнулся Евстахий и, икая, вылетел вон, едва не опрокинув пиво.

Он с удивлением понял, что изрядно пьян, а мочевого пузыря уже давно сигнализирует о переполнении.

«А вроде всего чю-чуть выпили», – отметил он про себя, – «И даже водки туда не добавляли, хотя какая тут может быть водка?! Брага, вино, шампанское, эль, пиво... а! genievre!²⁷ Нет, его мы тоже не пили...»

Пошатываясь, он обогнул соседние столы и направился к выходу. Снаружи свежий ветерок слегка его взбодрил, но зов уретры становился все резче и настойчивее.

«А у баб-то больше мышц, поэтому и терпеть могут дольше, зато нет простаты, хе-хе! Ой! Еще не хватало единственные шоссы... эээ штаны обмочить – чай не в первом классе сейчас», – качающейся походкой он направился за угол таверны и начал по привычке искать молнию на штанах.

Вместо молнии или на худой конец пуговиц, он нашел завязки. Проклятые никак не поддавались и он, потихоньку, начал свыкаться с мыслью, что придется поступать как снайперу – мочиться в штаны:

«Так даже по началу тепло будет и, вообще – романтика беззаботной жизни...»

Но, наконец, проклятые завязки поддались и штаны опали

---

²⁷ Джин, от французского «genievre», что в переводе означает можжевельник. (прим. автора).

сами, а Евстахий с наслаждением и одновременно яростью пожарного брандспойта, начал орошать струей стену таверны, от чего на той даже местами слетал мох с бревен. Затем напор ослаб и Жданский стал орошать землю, он чувствовал себя средневековым добытчиком руды и мелиоратором одновременно.

– Excuse moi si je vous dérange, monsieur²⁸, не найдется ли у вас пары су для бедного калеки? – хриплый голос раздался прямо над ухом Евстахия.

Тот, от неожиданности, оросил собственный сапог, а поворачиваясь, едва не задел «дружественным огнем» самого вопрошающего. Наконец, «родник» Жданского иссяк, от чего тот облегченно вздохнул и смог сфокусироваться. Он увидел перед собой тощего, высокого парня, внешностью похожего то ли на румына, то ли на цыгана, который торговал гашишем и краденым золотом в соседнем от Евстахиева дома дворе.

«Болгарин!» – подумал Евстахий. – «Хотя, какая разница...»

Парень ухмыльнулся, обнажив редкие зубы – всего пару денье²⁹ для калеки, мсье...

Евстахий натянул штаны, неумело завязывая их бабушкиным узлом, и нутром почуяв неприятности.

– Денег нет, но вы там держитесь! – ответил Жданский. –

---

²⁸ Извините, если я вас беспокою, мсье (фр.)

²⁹ Мелкая французская средневековая разменная монета. (прим. автора).

Я бы с радостью помог, но буквально вот только что последнее потратил на пиво, месье...

Он скорчил страдальческую гримасу, но в этот миг завязки предательски распустились и штаны опали, как озимые, только в этот раз из них выскочила пара су и пара-тройка денье.

«Vot skotstvo!»³⁰ – успел подумать Евстахий.

Цыган-попрошайка зловеще улыбнулся:

– Господь и святые отцы завещают помогать ближнему в нужде, а не соблюдающих их заветы ждет кара небесная.

Последнее, что запомнилось Евстахию – был удар под дых, а затем по затылку, после которого он провалился во тьму...

---

³⁰ Ой-ой! Французский авто-переводчик Евстахия начинает сбивать, он вот-вот провалится в реальный мир!

Глава IV: Возвращение

Евстахий открыл глаза и поморщился – резкая боль в затылке и одышка напомнили ему о вчерашнем коньяке. Пробудили его два весьма раздражающих звука: фамильные часы с кукушкой, доставшиеся ему по наследству от троюродного дяди из Житомира, и мерзкая трель дверного звонка, последний подарила ему тёща. И если кукушка должна была вот-вот заткнуться и исчезнуть еще на двенадцать часов в своем «механическом дупле, с шестеренками», то неизвестный визитер за дверью явно не собирался униматься и продолжал настойчиво трезвонить в дверь.

«Интересно, а самца кукушки зовут Кукух, Кукушок или, может быть, Кукушкин – отец всех кукушек? Или этим тварям вообще самцов не полагается?» – с этими глубоко научными мыслями, достойными Стивена Хокинга (простите нас, аквариумные рыбки) и традиционным глубоким вздохом Жданский влез в шлепанцы, возрасту которых позавидовали бы сандалии римского легионера, времен ранней республики и поплелся к двери. Глазок в двери был, но при установке его закрутили «наоборот», соответственно, картина в глазке была перманентна, вне зависимости от визитера – блоха на тарелке.

Евстахий, как и положено интеллигенту, разбирался в высоких материях, но был далек от реального мира и бытовой

суеты, поэтому обнаружил это значительно позже и долго проклинал власть, допускающую такие бесчинства по отношению к своим гражданам, даже хотел писать письмо мэру города, но потом подумал про коррупцию в вертикали власти в целом и в ЖКХ в частности, да и плюнул на это дело.

Открывая, с обильными мысленными проклятиями, обитую дерматином дверь, он ожидал там увидеть кого угодно: предвыборных агитаторов, свидетелей Заговора Рептилоидов или даже Вилену Вениаминовну, старушеницу из квартиры этажом ниже, которая любила заходить к Евстахию за солью и попутно рассказывать, как хорошо управлял страной Андропов и какой бардак сейчас. От этих рассказов Евстахия морально пучило и начинал зудеть пах, причем так, что его тянуло яростно почесать оный. Но, внутренний интеллигент сдерживал низменные порывы Евстахия, а также заставлял воздержаться от прочтения лекции мерзкой старухе о прелестях проживания в современном либеральном обществе и о кровавых преступлениях коммунистического режима. Вместо всех этих людей коим он желал долгой и мучительной смерти, на лестничной площадке он обнаружил Настасью Аполлоновну, пребывающую в состоянии крайнего раздражения.

Последний раз он ее видел в таком состоянии, когда она забирала его с поэтического вечера у драматурга Леерзона. Они тогда ожесточенно спорили о музыкальных предпочтениях, затем спорили о прелестях итальянской граппы и бол-

гарской ракии, кою они дегустировали, а потом еще бог весть о каких прелестях. Всю дорогу до дома Евстахий горланил военные марши, пытался из окна авто знакомиться с женщинами, стоявшими на светофоре, а под конец чинно срыгнув на резиновый коврик таксиста и с чувством полностью выполненного долга, уснул.

Отпихнув помятого и все еще сонного Евстахия, Настасья Аполлоновна вихрем ворвалась в квартиру, сразу же направившись на кухню, где, как подсказывала ей бабье чутье, можно было сразу же найти следы вчерашнего преступления. Обнаружив на столе глубоко початую бутылку, с остатками коньяка на доньшке, полную пепельницу окурков и остатки былой роскоши – салат «Мимоза», что был выдан Евстахию накануне, но уже изрядно обветрившемуся, Настасья Аполлоновна перешла в атаку:

– Опять нажрался, скотина? Не ври мне!!!

– В шахматы играл, да о тебе думал... – ответил Евстахий, созерцая дыру на тапке, сквозь которую проглядывал большой палец.

– А почему от тебя несет коньячным перегаром?!

– Может это шахматный, откуда ты знаешь... – понуро буркнул он, предвкушая словесную трепанацию мозга и поплелся в ванную.

В ванной он попытался привести себя в порядок и причесывая торчавшие во все стороны, как от удара током, волосы, обнаружил на затылке здоровенную шишку. Восстанавливая

в голове события вчерашнего дня, он никак не мог припомнить, чтобы где-то падал и ударялся, тем более затылком. Воспоминания были четкими, как видео высокого качества: скандал на работе, заявление об увольнении, поход в магазин за коньяком, с поэтичным названием «Коньяк» и последующее его употребление перорально. Обрывались они ровно на том моменте, где он ложился спать. А дальше был этот странный сон – Париж времен Ришелье, болтун-менестрель, квартал гомосэков и таверна, где его ограбили и...

– Постой-ка! – глядя на свое отражение в зеркале воскликнул он. – Мне приснилось, что меня огрели поленом и это проявилось в реальной жизни? Или я во сне обо что-то стукнулся? Как странно...

– Эсташ!³¹, ты с кем там разговариваешь? – с кухни раздался все еще раздраженный голос Настасьи Аполлоновны. – Не успел глаза продрать, а уже бабам звонишь?

– Ос-с-сподя, да дадут мне покой сегодня в собственном доме, – Евстахий возвел очи горе, – Уймись ты уже, женщина, у меня тут из вещей – одни труселя! И те... с «вентиляцией» ... – рассеянно заключил он, обнаружив оказию. – Лучше будь человеком, притащи мне из комнаты новые.

– Это если они у тебя есть, – съязвила Настасья, – Поди проерзал все, а в магазин сходить тебе некогда, все о высо-

---

³¹ Так Настасья Аполлоновна звала своего Евстахия, считая эту форму имени более романтической, она где-то прочитала про Эсташа IV (фр. Eustache IV), старшего сына и наследника английского короля Стефана Блуаского и считая Евстахия одним из потомков. (прим. автора).

ком думаешь. Или не на что? Да, кстати, как там у тебя на работе?

– Да, никак... – Евстахию страшно хотелось подумать над загадкой затылочной шишки, но голос его мучительницы никак не давал сосредоточиться.

– Что значит никак? Что ты там опять учудил?! – начавший смягчаться голос вновь наполнился презрительно-ледяными нотками. – Опять выяснял кто есть змеи, а кто черепахи?!

– Да ничего и не учудил! – возмущенно ответил Жданский. – Эти мироеды хотят, чтобы я, Евстахий Никанорович Жданский, человек с высшим театральным образованием, потомственный интеллигент, гнул на них спину за жалкие гроши?! Да мне такие зубры искусства руку жали, что им и не снилось!!!

Евстахий разошелся не на шутку, вспомнив вчерашний диалог с начальником отдела, назвавшего его люмпеном корсуким и недалеким австралопитеком.

– Так ты у нас рукопожатный, значит? – Настасья Аполлоновна перешла на зловещий клекот. – А квартиру оплачивать и трусы покупать тебе твои почитатели таланта будут? Бегите, падайте ниц! – Эсташ Жданской собственной персоной! Эка цаца!

Лицо Евстахия горело от возмущения, приближалось по цветовому оттенку к баклажану, на который он, накануне, с отвращением смотрел в «Четверочке», когда покупал

коньяк и недоумевал, как люди могут покупать «это» вместо наивкуснейшего плавленого сырка или польской колбасы из Белоруссии, за 100 рублей палка, без консервантов, надо заметить, а по акции и все 65!

Волна возмущения достигла своего апогея и на фразе «эка цаца», Евстахий окончательно потерял над собой контроль и выкатился из ванной, представ перед Настасьей Аполлоновной в костюме Адама, держа трусы в руках, чем ввел ее в кататонический ступор³².

– Мне, голубушка, найти работу – раз плюнуть, а это все временные затруднения! – возмущенным фальцетом пропищал Евстахий. – Просто нужен тот, кто по достоинству оценит мои таланты и будет способен оплатить их. А в этой стране, похоже, таких нет!

Вот так в домашней обстановке, трезвой, да при свете дня Настасья Аполлоновна видела голого Евстахия впервые и это потрясло ее похлеще новости о трате известным режиссером казенных средств на личные нужды и последующий арест оного. Она молча буравила взглядом своего собеседника, а тот все не унимался, потрясая зажатými в кулаке трусами, от чего слегка напоминал Ленина на броневике:

– Если не выходит тут, то вполне может выйти там! Один мой знакомый уехал в Англию и уже через полгода смог выплатить кредит за диван со шкафом и вывезти семей-

---

³² Кататонический ступор проявляется обездвиженностью, повышением мышечного тонуса и мутизмом (отказом от речи). (прим. автора).

ство на отдых в Испанию, работая обыкновенным полотером. Это, знаешь ли, показатель!

– Портки надень, эмигрант хренов! – оправившись от пережитого культурного шока, Настасья Аполлоновна окончательно окаменела лицом и охладела голосом. – А я вот знаю историю, когда один знакомый уехал в Ирландию, в Корк, а там его поселили в дом к румынам, которые его обобрали до нитки, а потом выяснилось, что в доме они живут нелегально и ему пришлось три дня побираться на Дублинском вокзале, чтобы набрать денег на билет домой. Это тоже, знаешь ли, показатель! В общем, поступай как знаешь, но имей в виду, что если ты уедешь, то я всенепременно пойду в театр с Гульцманом! Он давно меня приглашает...

– Что-о? – возопил Евстахий. – Этот шлимазл имеет наглость звать почти замужнюю женщину, да в храм искусства? Это возмутительно!

– Возмутительно то, что последний раз ты дарил мне цветы и водил в кафе после тех посиделок у Леерзона. А это было, на минуточку, в марте прошлого года. И то жаловался на то, что торговцы цветами обнаглели и задирают цены. Поступай как знаешь, но я тебя предупредила!

На этой фразе, пришедшая в кататоническое возбуждение³³, Настасья Аполлоновна оттолкнула обалдевшего от та-

---

³³ Кататоническое возбуждение – психопатологическое состояние у лиц с кататонией, противоположное ступору, при котором наблюдается усиление психической деятельности, сопровождающееся двигательным и психическим возбуждением.

кой отповеди Евстахия и, хлопнув дверь, вышла вон. Он судорожно натянул трусы и бросился было вслед, но Настасья неслась по лестнице со скоростью и ловкостью гепарда и, когда Евстахий, наконец, вывалился в коридор – уже покинула подъезд. В тот момент Жданский заметил открывающуюся дверь квартиры Вилены Вениаминовны и пулей шмыгнул к обратно, дабы не пришлось объясняться и выслушать про прелести коммунизма.

«Чертова баба, возомнила о себе! Хрен она себе такого как я найдет, да и про Гульцмана, небось, специально сказала, чтоб меня позлить.» – успокаивал себя мысленно Жданский.

Он сел на табуретку на кухне и откинулся назад. но тут же ощутил резкую боль:

«Чертова шишка! Ну, что за день? Настасья и шишка – все против меня. Хоть лекций про коммунизм избежал».

Заварив себе кофе в медной турке, Евстахий начал обдумывать сложившуюся ситуацию и выводы были неутешительны. Из активов он располагал двумя парами потертых труселей, продуктами на неделю и 800 рублями мелочью. Пассивы же были куда более обширны – отсутствие работы, долги ЖКХ, продавленный диван, ссора с Настасьей Аполлоновной и весьма туманные перспективы. Еще и этот странный сон.

«Интересно», – подумалось Жданскому, – «а шишка в данном случае – это пассив или актив? Ладно, в любом

случае надо что-то делать с текущей ситуацией, а перед любым важным делом – необходимо подкрепиться!»

Достав из холодильника суп, Евстахий вспомнил о том, что на днях ему попадалась реклама организации, которая обещала помощь в трудоустройстве за рубежом. Пока разогревалась борщеобразная амброзия, он извлек из-под кухонного уголка пачку рекламных газет и практически сразу наткнулся на объявление:

«Помощь в трудоустройстве за рубежом, работодатель оплачивает проживание и обеспечивает трехразовое питание. Конкурентоспособная зарплата. Выезд каждую неделю.»

«Вот он, мой билет в светлое будущее!» – просиял Жданский и, прижав заветную газету к груди, побежал за телефоном.

Номер был городской, но ожидать не пришлось и трубку взяли практически сразу:

– Добрый день, агентство Эскро³⁴, чем могу помочь? – в трубке раздался мелодичный женский голос и Жданский сразу же представил себе высокую блондинку с длинными ногами и грудью третьего размера, входящую в его скромную обитель с бутылочкой Бургундского и корзинкой с фруктами. Она одета в длинное легкое пальто, с маленькой сумо....

– Алло, говорите же! – голос посуровел и вырвал Евстахия из мира грез.

---

³⁴ Escroc (фр.) – мошенник, плут.

– Милая барышня, здравствуйте, моя фамилия Жданский, хочу поинтересоваться насчет работы за рубежом.

– Вас интересует какая-то конкретная вакансия? – голос невидимой дамы опять потеплел.

– А что вы можете предложить? Какие специалисты ныне востребованы за рубежом? – Жданский попытался придать голосу солидности, ловким движением застегнув последнюю пуговицу на труселях и с подозрением прислушался свободным ухом за бульканьем, всё отчетливее доносившимся из кухни.

– Ну вообще нам сейчас очень нужны сварщики и сантехники, но мы также рассматриваем работников без конкретного опыта. А что вы умеете? – чарующий женский голос опять начал уносить Евстахия в мир фантазий.

Из грёз, на сей раз, его вырвал звук Камчатского гейзера – Евстахий однажды смотрел передачу про Камчатку и был в восхищении от размаха буйства стихии и звука самого, собственно, гейзера. Однако, такого пролетарского коварства, произведенного собственной газовой плитой «Нововятка», он явно не ожидал. Суповой гейзер, мощной, алой, пролетарской рукой, подбросив крышку кастрюли аж к вытяжке, окрасил кухню в ненавистные Евстахию революционные цвета.

«Сбылись проклятия Вилены Вениаминовны, слава богу, сам кровавый тиран не материализовался!» – подумал Жданский и чертыхаясь, подбежал к плите.

Спешно перекрыв газ главным рубильником, он осознал, что большая часть обеда превратилась в нелёгкий труд по уборке плиты, а нелегкий труд Евстахий – ой как не любил! Он успел подумать, что мелкие неприятности последнее время сыплются на него как из рога изобилия, но тут же вспомнил про телефон, брошенный в прихожей и, с грациозностью магелланова пингвина, ринулся к свисающей трубке.

– Алло, вы там? Что у вас там происходит?! – дама на том конце провода явно начинала терять терпение.

– Да-да, простите, у меня тут небольшое кухонное ЧП, но уже все в порядке.

– Ничего страшного, я рада, что всё обошлось, – смягчилась девица, – так что вы конкретно умеете?

На этой фразе Евстахий основательно призадумался. Хорошо умел он, по сути, три вещи: критиковать власть, искусно брэнчать на ложках, а также рассуждать о брэнности бытия и трансцендентальной природе мироздания, особенно если под это дело наливали. Еще иногда он занимался резьбой по дереву, но это скорее было хобби, да и хорошо у него выходили только матрёшки с членами партии КПРФ, с мерзкими карикатурными рожами, которыми он даже иногда приторговывал на Химкинском рынке.

Вторым увлечением Жданского было создание рыболовных приманок. Как выражалась Настасья Аполлоновна, он «искусно портил» столовые ложки, коим обрезал и выбрасывал за ненужностью ручки, ложкам же приделывал рыболов-

ные крючки, полировал до блеска, которому позавидовал бы любой дворовый кот, а затем раскрашивал в чёрно-жёлто-белые цвета (он считал, что на цвета Романовых клюнет любая мало-мальски уважающая себя щука) и дарил эту благодать друзьям да знакомым на все праздники.

На праздники, правда, звали его редко, виной тому было еще одно хобби типичного гуманитария-интеллигента в виде увлечения историей. И все бы ничего, если бы не патологическая тяга Жданского после третьей рюмки втягивать всех в различные диспуты, особенно про превосходство английских лонгбоуменов перед арбалетчиками, а также привычка сравнивать присутствующих гостей с историческими персонажами, как правило одиозными правителями. Завершала все обычно лекция о пагубном влиянии большевизма на развитие России и преступная природа Советского государства, которое отбросило прогресс на века назад, по сравнению с развитыми странами запада.

Навыки же тяжёлого ручного труда, к коим относилась и уборка кухни, Жданский считал уделом бессловесного быдло-пролетариата, а также маргиналов всех мастей и относился к ним с подобающим презрением.

Осмыслив умения, Жданский решил-таки сделать ставку на профессию:

- Вы знаете, вообще у меня высшее образование в сфере искусства и огромный опыт работы в театре, а также...
- Я поняла, вам тогда надо подойти в офис и переговорить

с нашим лучшим специалистом, Эрастом Ардалионовичем. Думаю, он найдет, что вам предложить, – перебила Евстахия сладкоголосая сирена, – Сегодня сможете?

– Да, конечно... – у Жданского ажно засосало под ложечкой, – А в котором часу? После трех? Эмм... да, я постараюсь, да-да, наверное, смогу. – Евстахий пытался держать марку, но внутри был готов примчаться в офис прямо сейчас и как есть – в труселях, с единственной пуговицей, да шлепанцами с дыркой.

– Отлично, записывайте адрес...

Нацарапав адрес еле-еле пишущей ручкой на Литературной газете, которую, по мнению Евстахия, должен выписывать каждый мало-мальски уважающий себя интеллигент, он потрусил на кухню.

Тяжело вздохнув, он подумал, что уберется потом, а сейчас требуется срочно подкрепиться. Желудок, в тон его мыслей, тонко заскулил, увидев расплескавшееся на полу великолепие. Схватив кастрюлю с облезшей местами эмалью, оставшуюся еще от бабки, Жданский вывалил остатки густого, тягучего варева в тарелку с вензелями и, отломив черствую краюху «бородинского», сел трапезничать.

Раздался короткий писк мобильного телефона.

«Да дайте же пожрать спокойно!» – подумал Евстахий, разглядывая свой старенький Самсунг.

Он полагал, что настоящий интеллигент и творческая личность должен обладать исключительно iPhone'ом, но про-

клятый банк не одобрил ему кредит.

«Трижды проклятый» Евстахием банк соизволил известить, что ему, наконец-то, вернули старый долг, а также следующая СМС'ка сообщала, о возврате переплаченных за прошлый год налогов, всего на сумму в размере аж в двадцать тысяч рублей!

«Живём!» – настроение у Жданского резко улучшилось и даже следы супового гейзера, внесшего немного фуксии³⁵ в дизайн кухни, не так уже терзали душу театрала. – «А жизнь-то налаживается, на ближайшее время я спасен!»

Доев суп, Евстахий посмотрел на часы и понял, что пора потихоньку собираться. Он подошел к шкафу и решил, что стоит произвести впечатление на потенциального работодателя, а никто так не внушает доверия, как человек в костюме. Костюм у Евстахия был, но один, и тот достался еще от бабушки, благо серая полоска снова вошла в моду. Осмотрев фамильный сюртук на предмет повреждений, Евстахий обнаружил поеденную молью дыру в области правой подмышки.

«Ну, главное-не размахивать руками, тогда никто не заметит» – успокоил он сам себя.

Ситуация с брюками была лучше, видимо проклятое насекомое попробовав пиджак решило, что подобный антиквариат может привести к несварению, а возможно даже издох-

---

³⁵ Фуксия – пурпурный цвет, названный в честь цветка, который, в свою очередь, был так назван в честь немецкого учёного XVI века Леонарта фон Фукса.

ло самой мучительной смертью – зловещая ухмылка тронула лицо Жданского.

Надев свое парадно-выходное облачение, он подошел к зеркалу – оттуда на него глядел натурально «Мистер Кханделвал» из фильма «Танцор Диско», а шлепанцы на ногах лишь усиливали сходство с героями Болливуда.

– Хорошо хоть не сам Митхун Чакраборти³⁶. – буркнул Жданский себе под нос, вздохнул и, кряхтя, полез за туфлями.

В офис бюро по трудоустройству Евстахий добрался практически без приключений, не считая того, что в автобусе ему оттоптали начищенные туфли и он, привычно вздыхая и чертыхаясь, был вынужден купить в киоске упаковку мокрых салфеток и с их помощью придать обуви хотя бы видимость чистоты. Подойдя к зданию, Жданский сверился с адресом, предусмотрительно нацарапанным на клочке газеты и, решительно толкнув дверь, вошел навстречу своей судьбе.

Лифта в здании не было. Нет, точнее он был, но, судя по табличке свидетельствующей о его временной нетрудоспособности, обильно покрытой пылью, сей механизм последний раз использовался ещё при царском режиме. Коряво написанные цифры «525» на бумажке тонко намекали, что Евстахию придется хорошенько поработать ногами, возносясь до пятого этажа, к столь желанной трудовой деятельно-

---

³⁶ Мистер Кханделвал главный герой, а Митхун Чакраборти – актер х.ф. «Disco Dancer», 1982. (прим. автора).

сти за рубежом.

– Проклятый режим! До сих пор не могут лифт в доме починить, облегчить людям жизнь. – пробормотал тяжело дышащий Жданский. – Наверняка коммунаки поломали, а председатель домкома, выделенные на лифт деньги, потратил на свою дачу в Мытищах.

Так, в тягучих размышлениях о несправедливом устройстве Вселенной, он добрался до нужного этажа и завертел головой в поисках нужного номера. Это оказалась массивная дверь, украшенная табличкой с надписью «Кадровое Агентство «Escroc». Под надписью почему-то был французский триколор и строки из Марсельезы.

«При чем тут Марсельеза?» – подумал Евстахий и, мысленно пожав плечами, потянул дверь на себя.

Несмотря на массивный вид, дверь поддалась на удивление легко и без малейшего скрипа, он оказался в небольшой приемной. Прямо перед ним стоял огромный стол, заваленный всевозможными бумагами, папками и прочей офисной дребеденью. Евстахий был готов поклясться, что заметил факс посреди всего этого бедлама, но поискав глазами сей антикварный прибор снова, так и не смог его найти – тот растворился подобно офисному хамелеону. На, казалось, бескрайних океанских просторах этого офисного хаоса, с величием Фаросского маяка³⁷, из-за нагро-

---

³⁷ Александрийский маяк (Фаросский маяк) – маяк, построенный в III веке до н. э. на острове Фарос, около египетского города Александрии, одно из 7 чудес

можденных папок одиноко выглядывал древний, как говно мамонта, ламповый монитор.

– Добрый день! – внезапно сказал монитор женским голосом. – Вы по процедурному вопросу?

– Что-что? – Жданского аж передернуло, а шишка на затылке противно заныла, выдав на миг портрет Горбачева.

– Я говорю, вы к нам за-пи-са-ны? – произнес женский голос по слогам, будто пришел не интеллигент-Жданский, а один из жителей высокогорного кишлака в Средней Азии. На этот раз ноющий мозг выдал картинку мужчины, кавказской наружности, машущего рукой, с плота.

– Э-э-э... да, – растерянно ответил Евстахий, массируя пульсирующий затылок, – Мне сказали подойти после 15 часов.

– Кто сказал? – голос «Фаросского монитора» посуровел и Жданский понял, что уже слышал эти интонации.

– Так вы же и сказали! – обрадовался Евстахий.

– А к кому вам назначено? – не унимался монитор.

– К Эрсту А-т-драли... А-р-дольф... – вся эта ситуация начинала изрядно раздражать Евстахия, к тому же загадочная шишка пульсировала и постепенно напоминала о себе резкой болью.

– К Эрсту Ардалионовичу, нашему главному кадровому специалисту, – торжествуя сказал «монитор», – А вы, как я понимаю, Евстахий Никанорович Жданский?

– Да, это я! Мне уже можно пройти в кабинет или надо подождать?

– Минуточку... – ответил монитор и внезапно из-за него показалась взлохмаченная женская голова в очках с толстой оправой и не менее толстыми стеклами, а за ней и остальные части тела, драпированного в фиолетового цвета колготки, строгую юбку-карандаш, на пару тонов потемнее и примерно такого же цвета жакет, со вкраплениями французских лилий³⁸, жёлтого цвета.

Фемина, вопреки телефонным фантазиям Жданского, была брюнеткой, небольшого роста и с неаккуратной прической «каре». На шее у нее красовался чокер. Секретарша смерила Евстахия мутным взглядом, еще раз пробормотала «минуточку» и скрылась за дверью единственного кабинета. Буквально через несколько ударов сердца она появилась вновь и слегка небрежным жестом пригласила его войти.

Войдя в кабинет, Жданский обомлел. Прямо напротив входа висел портрет Робеспьера³⁹ и рядом почему-то Дзержинского. За письменным столом, в вольтеровском кресле⁴⁰ сидел невысокий человек и что-то увлеченно писал, не об-

---

³⁸ Геральдическая лилия, также королевская (бурбонская) лилия или флёр-де-лис (фр. fleur de lys/lis; «цветок лилии) – гербовая фигура, одна из самых популярных, наряду с крестом, орлом и львом.

³⁹ Максимилиан Робеспьер (фр. Maximilien François Marie Isidore de Robespierre) – французский революционер, один из наиболее известных и влиятельных политических деятелей Великой Французской революции.

⁴⁰ Мягкое просторное кресло с высокой спинкой. (прим. автора).

ращая на Евстахия никакого внимания, последнему даже стало немного неловко. Внезапно человек отложил ручку и, стремительно вскочив со стула, подбежал к Жданскому. Посвойски схватил его за руку, накрыв другой рукой и начал радостно трясти, сжимая.

– А-а-а! Евстахий Никанорович, голубчик! А я вас ждал, да-а-а!!! Рад встретить столь пунктуального молодого человека... – Эраст Ардалионович был просто копией вождя мирового пролетариата Ульянова не только внешне, но и по манере общения, – Как самочувствие, батенька? Не устали до нас добираться? Все-таки пятый этаж, да без лифта. Царский режим не озаботился, большевики не успели, а нынешнему тоже не до этого... капитализм!

– Э-э, да нет, вроде... – промямлил Евстахий несмотря на то, что, с непривычки, он взопрел и пот бусинками выступал на лбу и затылке. – Не так уж и высоко.

Между тем события последних суток все больше напоминали ему какую-то фантазмагорию: странный сон, невесть откуда взявшаяся шишка, которая ещё и премерзко пульсировала, теперь еще и эта реинкарнация Ильича.

«Дурдом какой-то!» – подумал Жданский. – «А может это все часть сна и на самом деле я нахожусь в алкоголическом бреде, после трехдневного обсуждения театральных событий у Леерзона?»

Чтоб проверить эту мысль, Жданский схватил первый попавшийся предмет и треснул им себя по руке. Предметом

этим оказалось массивное пресс-папье⁴¹ из бронзы. Вопль боли, протяженности и мощи которого позавидовал бы раненый африканский слон, даже приостановил словесный водопад из уст Эраста Ардалионовича, уже перешедшего к рассуждениям о пагубном влиянии Тимирязева⁴² на русскую промышленность и его заигрывания с англичанами и немцами.

– Что же это вы, батенька, казенной папьеЕй, да по трудовым мозолям? Эдак и нечем будет сжимать штык, коли грянет нужда, – Эраст Ардалионович неодобрительно посмотрел на кумачовый, стремительно распухающий палец Жданского, – Нервишки шалят? Так вам пустырничек надо на ночь или боярышник принимать. В разделе «Для дома, для семьи», в газете имени Геннадия Малахова рекомендуют.

Евстахий, не в силах сдержать слезы, градом катящиеся из глаз, умоляюще посмотрел на Эраста, схватил себя за грудь здоровой рукой и обреченно потряс головой.

– Понимаю... довели рабочего человека проклятые империалисты! Тут не то, что папьеЕй по пальцаМ – тут впопругу брать винтовку и на баррикады, как наши предки сто лет назад, а?! Ничего, товарищ, настанет и наше время – не пе-

---

⁴¹ Пресс-папье – тяжёлый предмет из бронзы, мрамора, стекла и т. п., которым придавливают лежащие на столе бумаги.

⁴² В. И. Тимирязев – министр промышленности в царской России (1905–1909).

реживайте. Разобьем оковы рабства и на обломках, так сказать, построим новый, дивный мир, – Эраст Ардалионович посмотрел на Жданского полными соучастия глазами, – Ну, а пока вернемся в мрачное настоящее, любезнейший... э-э-э, как там ваша фамилия, напомните? Вы ж к нам в поисках работы обратились, верно ведь, правильно?

– ЖданскАй, – а-кнул Евстахий, саднили и палец, и шишка и он никак не мог понять – что же болит больше, – Да, насчет работы. – жалостным, исполненным скорбью голосом проблеял он.

Евстахий, окончательно убедившись, что все происходит с ним наяву, поник и смирился с происходящим. Он уже был готов на что угодно, даже на вступление в КПРФ, лишь бы решить вопрос с трудоустройством и поскорее занять голову подготовкой к отъезду. Как назло, съеденный перед визитом в офис суп, видимо, проникся пламенными речами Эраста-Ильича и начал революционное бурчание в животе.

– Отлично, товарищ Жданский! Присаживайтесь... – Эраст Ардалионович наконец-то вернулся в свое кресло и достал из недр стола кипу каких-то бумаг, – Ну-с, давайте полюбопытствуем, что у нас для вас есть... так-так, это вам не подходит... нет-нет, это не то... а может быть, может... нет, не может... хмм, умм... охо! ага! – с победоносным видом, достойным Римского триумфатора,⁴³ Эраст Ардалионо-

---

⁴³ В древнем Риме – полководец-победитель, встречаемый с триумфом, в перен. тот, кто достиг выдающегося успеха, победы. (прим. автора).

вич извлек какой-то пожелтевший клочок бумаги и потряс им перед самым носом Евстахия. – Вот он, ваш счастливый билетец!

– И в чем же он счастливый, позвольте полюбопытствовать? – Жданский мало-помалу брал боль под контроль, та огрызалась, но постепенно утихала, сдаваясь. Постепенно возвращался и контроль над собой и былая интеллигентность в голосе.

– Ну как же, голубчик... прекраснейший английский факторий – фабрика по-нашему, проверенный работодатель, можно сказать – сердце английского пролетариата! И главное – особо не требуют никаких навыков, да и платят недурно и, главное, вовремя – прямо на карту. У вас есть карта, любезный?

– Контурная... – буркнул Жданский, на периферии сознания возникло туманное очертание в виде слова «кидалово», что-то явно настораживало в этом «беспроигрышном» варианте, но он не мог понять, что именно.

– А-ха-ха! Контурная! Прямо Жванецкий! Отличная шутилка, товарищ, надо запомнить! В юности, когда я работал на заводе имени Фрунзе, у нас бригадир был большой балагур, очень вы мне его напоминаете. Глядишь и на фабрике в бригадиры выбьетесь. Но я, конечно же, имел в виду другую карту. Но и за это вы не переживайте – Эраст Ардалионович Гугуйский, – он схватился руками за жилетку и посмотрел ввысь, – Все оформит в лучшем виде! Пятнадцать

лет на рынке и все всегда оставались довольны. Ну-с, будем оформлять договор?

– Оформляйте... – обреченно пробубнил Жданский, он смирился со своей участью, подобно первым христианам, брошенным на съедение львам. – Что от меня требуется?

– Сущие пустяки, батенька, сущие пустяки. Сейчас милейшая Ираида Афанасьевна сделает копию вашего паспорта, заполнит договор и выпишет вам квитанцию на полторы тысячи рублей, оплатите через банк. Остальные услуги будут вычтены с первой зарплаты. Мы ведь понимаем, что времена нынче тяжелые, а ведь вам еще и нужны средства на первое время, не питаться же вам полуфабрикатами, ей Богу! – на этой фразе Гугуйский заливисто рассмеялся, радуясь одному ему понятной шутке. – И насчет билетика на аэробус – я вам обязательно позвоню, скажу дату отъезда.

Получив назад паспорт, Евстахий бегло пробежался по страницам контракта, и, дойдя до последней страницы, нервным, размашистым жестом подписал договор. Впереди ждал туманный Альбион, достаток, а возможно, почёт и уважение.

Из здания офиса рекрутинговой компании Евстахий вывалился на улицу совершенно опустошенный.

«Нет, обратно на автобусе я не поеду, пора завязывать с нищесбродством», – он устало тряхнул головой, – «Решено, вызываю такси!»

Голосовать, приманивая самодвижущийся механизм

с шашечками Жданский брезговал, в конце концов, он без пяти минут работник иностранной фирмы и следовало вести себя подобающе. Выудив телефон, из кармана слегка потраченного молью пиджака, он с усердием начал всматриваться в экран, небрежно листая пальцем страницы то в одну, то в другую сторону. Наконец, он нашел то самое приложение, которым воспользовался, возвращаясь от Леерзона. С лицом человека, запускающего, по меньшей мере, «Фалькон 9»⁴⁴, по заданию лично Илона Маска, Жданский решительно ткнул в экран.

Приложение вспыхнуло надписью такси «Орхидея», в виде машинки с шашечками, внутри цветка.

«С нами почти так же дешево, как на общественном транспорте!» – (возможно) гласил текст пониже.

Самсунг ругнулся, что не может определить местонахождение Евстахия и ему пришлось активировать эту опцию вручную.

«Только бы не забыть потом выключить эту дрянь, а то высосет батарею за час. Проклятый Гнусмас⁴⁵! На Айфоне такого колхоза нет!» – подумал Жданский. – «И вообще, что за скотство, почему приложение само не может активировать местоположение?!»

---

⁴⁴ Falcon 9 (falcon с англ. – «сокол») – семейство одноразовых и частично многоразовых ракет-носителей тяжёлого класса серии Falcon американской компании SpaceX.

⁴⁵ Ругательное название Самсунг, наоборот. (прим. автора).

Приложение тем временем определилось с координатами Евстахия и предложила выбрать такси из бюджетного списка и бизнес класса. Тот мечтательно тыкнул бизнес класс, но увидев цену стремительно вернулся к эконом предложениям – его внутренняя жаба громко и протяжно заурчала, протестуя. Выбрав первую попавшуюся машину, эконом класса, Жданский послал вызов одним мизинцем.

«Водитель Ашот прибудет через 7 минут!» – оповестило приложение.

Жданский с победоносным видом стоял и тарасился то по сторонам, то в экран, наблюдая, как Ашот незримо приближается по виртуальной карте. Тут вдалеке раздался мощный хлопок, затем еще один, чуть ближе и из-за поворота выкатило настоящее механическое чудо баклажанного цвета, с вкраплениями ржавчины по всему корпусу.

«Оно еще и ездит!» – едва успел подумать Евстахий, как чудо инженерной мысли, резво докатившись до него, скрипнуло тормозами и, из опустившегося стекла, на него воззрились два черных, как уголь глаза, подчеркнутых изогнутой линией брови, словно пикирующий на дичь беркут.

– Эта ти Эбстафи? – плюнуло на Евстахия из окна.

– Как?! – зачарованно уставившись на «орело-бровь» пробубнил Жданский. – Вы и есть водитель такси «Орхидея»?

– Та! – радостно осклабился позолотой, ответил однобровный возница.

Евстахий нервно глянул по сторонам, затем в приложение,

но не обнаружив никаких признаков альтернативной повозки, распахнул скрипучую дверь и боязливо залез в чрево стальной колесницы. Ремней безопасности не было, а на их месте красовались заглушки с логотипом «D&G».

«Дорого и Глупо». – успел подумать Жданский.

– Куда, брат? Домой, брат? – повернувшийся к Евстахию водитель сверкнул золотозубой улыбкой. – Довезу, по-братски!

– Да-да, домой. И желательно побыстрее... – Жданский тут же пожалел, что произнес эту роковую фразу.

Баклажановое чудовище, взвизгнув покрывками, рвануло аллюром, сбиваясь на галоп и, едва не столкнувшись с проезжающим лесовозом, набрало комфортную, для водителя, но отнюдь не для пассажира, скорость.

«Боже ж мой! Так я ему адрес не сказал! Куда он меня везет? А если в лес с целью ограбления или что похуже?» – мысли Жданского проносились в голове, со скоростью болида «Формула-1», но гораздо медленнее, чем гнал Ашот, временами подпрыгивая в такт ямам на дороге.

– Адрес, брат! Или дорогу покажешь? – словно в ответ на его мысли, произнес золотозубый возница.

– Аноскопический⁴⁶ переулоч, дом 12. – ответил Евстахий.

– Ас-кона-пичефский дуэнацат! – немедленно начал

---

⁴⁶ Аноскопия – безопасное исследование, которое позволяет обнаружить большинство заболеваний анального канала и кольца.

диалог с навигатором водитель.

– Ошибка, адрес не найден. – пискнул тот.

– Ассноскапицески дуэнацат! – повторил таксист.

– Ошибка, адрес не существует. – не сдавалось устройство.

– АНОСКАПИПИЧЕСКИЙ ДУЭНАЦАТ!!! – рывкнул извозчик, теряя самообладание и изображая противоракетный маневр рулем.

– Ошибка, адрес не найден. – издевательски пискнул навигатор.

– Трахкши ква!⁴⁷ – Золотозубый выругался и стукнул кулаком по крыше салона. – Прости, брат, программа не работает. Говори куда ехать!

Евстахий на секунду призадумался, а потом тряхнул головой и решительно произнес:

– Улица Сталина, 37! – пискнул Евстахий.

– Улица Сталина, 37. Маршрут построен! – мгновенно среагировал электронный болван, на сказанное Евстахием и выдал на экране кратчайший путь. Судя по показателям – ехать было всего минут пятнадцать.

«Поеду к Леерзону, надеюсь он будет дома. Может чего умного подскажет». – подумал Жданский, терзаемый событиями последних часов.

Он закрыл глаза и попробовал представить, что он где-то в Неве Зохаре, на берегу Мертвого моря, лежит в шезлонге,

---

⁴⁷ Грубое грузинское ругательство. (прим. автора).

чинно потягивает мохито через соломинку и разглядывает проходящих мимо загорелых женщин в купальнике. Визуализация получалась прекрасно, за исключением женщин – почему-то в голову лезли исключительно немецкие пенсионерки с обвисшей грудью и татуировками на поясице в виде крыльев бабочек или другого орнамента и не менее отвратной формы.

«Да что ж такое-то?! Даже помечтать не выходит!» – он недовольно открыл глаза и в этот же миг ощутил резкое торможение баклажанового болида, с соответствующими аудио эффектами.

– Приехали, брат! С тебя 274 рубля! – таксист радостно улыбался. – Сдачи нэт, да! Ровни поищи, не обессудь, по-братски!

Жданский заглянул в кошелек, извлек из его недр три помятые сотенные купюры и протянул их водителю, в кои-то веки решив не экономить.

– Сдачи не надо... – Евстахий чувствовал себя настоящим олигархом, эдаким Саввой Морозовым⁴⁸, который жертвует МХАТу, по меньшей мере, полмиллиона рублей.

– Вай, вай! Какой щедр! Спасибо брат! – прицокнул языком Ашот-таксист. – Поставь, пожалуйста, пять звездочек по-братски, да! – тут его голос посерьезнел, а монобровь ис-

---

⁴⁸ Савву Морозова называли «купеческим воеводой», но он стал известен благодаря меценатской деятельности. Морозов строил театры, поддерживал художников, писателей, студентов и рабочих. Хотя, Жданскому, он бы и рубля не дал. (прим. автора).

казилась, придав взгляду суровый вид. – А нэ то – зарэжу!

Евстахий, так и застыл одной ногой наружу, от такого горячего проявления благодарности, только и крикнул:

– Конечно, конечно! Всенепременнейше поставлю 5 звезд! – и пулей вылетев наружу, юркнул под арку и засе-менил внутрь двора.

– Э-э-э! Я пошутить! Шютке! – только и успел воскликнуть вслед Ашот, но его слова, эхом затерялись в подворотне, так и не достигнув Жданского.

Уверенным, скорым шагом Евстахий мчал к парадной Леерзона, с настойчивостью автогрейдера, раскидывая и поды-мая в воздух листву и всяческий мусор. Дойдя до двери подъезда, он с грустью вспомнил, что Леерзон, судя по слу-хам, должен был быть в круизе. Но чем черт не шутит, раз уж все равно приехал – можно и проверить.

«Тем более еще одной „баклажановой поездки“ я точно не вынесу». – подумал Жданский.

Подойдя к двери парадной, он долго звонил в домофон, но никто ему не открывал. Евстахий ещё больше пал духом. На счастье из парадной выходила какая-то дамочка и он, галантно придержав дверь и выпустив даму, шмыгнул внутрь. Поднявшись по лестнице на четвертый этаж, он подошел к звонкам, зачем-то вынесенным на отдельную дощечку по-середине обширного лестничного пролета. Место отлично просматривалось с глазков всех квартир.

Наверное, издалека соседям проще и безопаснее наблю-

дать, кто же там пожаловал и, главное, к кому... – заключил Евстахий – Вуайеристы хреновы!

Отыскав взглядом звонок, с номером квартиры Леерзона, с приклеенной зачем-то сверху этикеткой от крафтового пива (видимо это должно было говорить об эстетствующей натуре обитателя) Жданский неуверенно нажал кнопку.

Прошло меньше пяти секунд, как в утробе за железной дверью что-то шумно лязгнуло, и та распахнулась. Из квартиры на лестничную площадку выкатился невысокий, грузный мужичок, неопределенного возраста, с небритым лицом и торчащими во все стороны волосами. Он был в халате, шелковом платке, мягких тапочках и уже слегка нетрезвый. В руке он держал заляпанный коньячный бокал и странную жидкость, проходившую не то на зеленый чай, не то на «Тархун». Отличительных пузырьков не наблюдалось из чего Евстахий заключил, что таки нет, не «Тархун».

– Итить твою мать, Никанорыч! – Леерзон, смачно икнув, растекся в лучезарнейшей улыбке, будто сам президент почтил запланированным визитом, а не Жданский в выдавшем виды пиджаке нагрянул без предупреждения.

Залпом осушив бокал, Леерзон радостно полез обнимать Жданского:

– Вот уж визит, так визит! Выпьешь со мной? У меня праздник!

– У тебя всегда либо праздник, либо трагедия. Перманентный повод накатить. – съязвил Евстахий. – В дом-то пу-

стишь?

– Стабильность! – со значением сказал драматург.

– Что? – не поняв столь исчерпывающего ответа промолвил Жданский.

– Это называется не повод, а стабильность! – все так же пафосно заключил Леерзон. – Ну конечно же заходи, дорогой друг, я тебе еще и такой уникальной вещицы накапаю – ты обалдеешь! Мне Элеонора Якубовна, жена моя, привезла из Словакии отличнейший чайный ликер. Семьдесят два градуса! Нектар! Амброзия, а не ликер! Клянусь Мельпоменой, такого ты еще не пробовал!!!

Леерзон завертелся юлой в прихожей и, наконец, выудил причудливого вида тапки, в виде открытого рта какого-то зубастого мультяшного монстра, коему полагалось в оный совать ноги и вручил сей креатив Евстахию.

– А я было к тебе сунулся, – задумчиво начал Жданский, сиюсь запихнуть ногу в рот плюшевому тапко-монстру, – Дык, народ поговаривает уехал, мол, в круиз, да с девицами, да на неделю!

– Поклеп! – прервал друга драматург, слегка повисив голос. – Ты же знаешь, что кроме моей ненаглядной Элеоноры Якубовны, я другими женщинами не интересуюсь!

Последнюю часть фразы Леерзон выделил интонацией и с выражением посмотрел на Евстахию. Жданский, осознав ошибку, решил срочно переменить тему. В соседней комнате подозрительно заерзал стул.

– А что она у тебя в Словакии делала? – полюбопытствовал Жданский.

– Ай, да как обычно, ты же знаешь этих пейзажистов – хлебом не корми, дай забухать на природе, да с красивым видом и назвать все это... – тут он развел руками в стороны. – Пленэр!⁴⁹ Ну, хоть не с пустыми руками вернулась. Ладно, присаживайся давай, ликер будешь?

– Ликер – буду! Сегодня столько событий произошло, что определенно полезет даже спирт! После третьей точно видно будет... – обнадежил Жданский.

– Мде? И что же это у тебя приключилось? Настасья Аполлоновна таки изменила тебе с Гульцманом? Или ухватил бутылку настоящего «Луи XIII»⁵⁰ за 700 рублей у цыган в переходе? – Леерзон от души плеснул Евстахию полстакана чайного ликера, а сам плюхнулся в мягкое бархатное кресло напротив.

Кресло натужно скипнуло, принимая в объятия филейную часть драматурга. Леерзон, казалось, даже не заметил этого. Он нежно обхватил бутылку чайного ликера, словно младенца, и с интересом посмотрел на Жданского.

– Да не, все гораздо интереснее... – Жданский осторожно пригубил чайный ликер.

---

⁴⁹ Пленэр (от фр. en plein air) – термин, обозначающий передачу в картине всего богатства изменений цвета, обусловленных воздействием солнечного света и окружающей атмосферы.

⁵⁰ Louis XIII, элитный коньяк, произведенный компанией Rémy Martin.

На вкус он был мягок, но заветные 72 градуса тут же обожгли рот и Евстахий поспешил его проглотить. Мягкое тепло приятно растеклось по пищеводу и упало в желудок небольшой словацкой петардой. Ликер был крепок, но оставлял приятнейшее чайное послевкусие во рту.

«Так и нажраться можно!» – опасливо покосился на напиток Жданский и продолжил:

– Все началось еще вчера, когда я употребил коньяк и лег спать...

Евстахий рассказал все события последних суток, из природной стыдливости опустив только момент размахивания трусами перед Настасьей Аполлоновной.

– Экая эпидерсия! – подытожил Леерзон, задумчиво отхлебывая ликер прямо из горлышка. – Может пора тебе показаться участковому психиатру, пилюлек пропишет, пролежишь, прокапаешься?

Евстахий скорчил скорбную гримасу и подумал:

«Не поверил, да еще и издевается, друг тоже мне!»

– Либо... – Леерзон даже не заметил скорбного Евстахиева лица, – происходит действительно что-то невероятное, достойное постановки во МХАТе. Сам-то что мыслишь?

– Да не знаю я! – замахал руками Жданский. – Все можно было бы списать на сон, или алкогольный бред, если бы не эта проклятущая шишка. Ну не падал я, клянусь своим тухесом!⁵¹ – Евстахий чуть ли не сорвался на фальцет.

---

⁵¹ Тухес (Тухис) – никому не режущее слух и не обидное слово, означающее

Реакция последовала незамедлительно – в соседней комнате снова скрипнул стул и из спальни показалась голова Элеоноры Якубовны с выражением крайней степени возмущенности на физиономии. Если бы она обладала способностями мифической Медузы Горгоны – Жданский с Леерзоном обратились бы в камень тотчас. Но «Медуза Якубовна» ограничилась лишь злобным шипением и требованием вести себя потише, де она медитирует, а низкие эманации⁵², сочащиеся из «зала» сводят на нет все ее усилия слиться с высшими вселенскими материями. Друзья тяжело вздохнули, переглянулись и сделали еще по глотку.

– Вот что, разлюбезный мой Евсташка-Красная рубашка. Надобно тебя погрузить в сон и посмотреть, что из этого выйдет

– Опять ты мне эту рубашку припоминаешь! – взорвался Жданский, но вовремя придержал децибелы, опасаясь экспансии негативных эманаций в спальню и жестоких последствий. – Уже сколько лет прошло, а все остришь на эту тему...

Леерзон гнусно захихикал, вспоминая эту историю, когда они учились в театральном институте. Жданский на выпускной первого курса пришел в красной рубахе с белыми пету-

---

филейную часть, чуть пониже спины. В отличие от слова «задница» или его более грубых аналогов, одесское «тухес» – запросто употребляли даже воспитанники детских садов и никто им не делал замечаний. (прим. автора).

⁵² Эманация (лат. *emanatio* – истечение, распространение), понятие античной философии, онтологический вектор перехода.

хами, позиционируя выбор своего фасона как символ свободной Франции. Все нападки на символ рьяно отметал, даже сам факт того, что «галльский петух» так же именуется «галльский золотистый».

Изрядно набравшись и осмелев, Жданский начал приставать к преподавательнице риторики, Наталье Вениаминовне. Та как-то не воспылала ответной страстью к обладателю белых «галльских золотистых», на красном фоне и плеснула вином ему на рубашку, от чего один из петухов сменил цвет на терракотовый или даже фрез. После такого «фурура» по институту ходил стишок: «Отдалась бы те Наташка, если б не твоя рубашка!» А самого Жданского еще целый год звали Евсташка-Красная рубашка, что страшно его раздражало и он корчил поистине эпические гримасы обиды, отчего его дразнили еще активнее.

– Ладно-ладно, не дуйся, а то станешь похож на маленький воздушный шарик и к тебе прилетят неправильные пчелы. – видя, что Евстахий собирается впасть в крайнюю степень обиды и сославшись на то, что в него больше «не лезет» откажется пить, Леерзон решил срочно разрядить ситуацию.

Достав из-под стола несколько бумаг рукописного текста, он потряс ими в воздухе:

– Я тут, пока не ушел в загул, написал коротенькую пьесу, практически скетч. Не изволишь ли заслушать?

– А что, гражданка Герберг уже отказывается выступать в роли благодарного слушателя? – с сарказмом в голосе спро-

сил Жданский.

Леерзона это совершенно не смутило и он вальяжно ответил:

– Нет, не отказывается. Просто она не всегда понимает всю глубину моего замысла, давай я лучше тебе зачту...

Леерзон переместился на колченогий табурет, точнее поставил на него ногу, откашлялся и продекламировал:

– Пьеса. Голем⁵³ и мандолина. Проза. Экспериментальная юмореска. Исполнитель – Леерзон! – и начал, покачиваясь.

***

Голем Афанасий сидел на берегу небольшой реки. Афанасий был каменный голем и он грустил. Он меланхолично отколупывал от себя кусочки и швырял их в воду, глядя на расходящиеся по воде круги. Тут, недалеко от последнего всплеска, он заметил какой-то предмет. Он был настолько несуразен, что поразил воображение Афанасия.

– О как! – зычно рявкнул Афанасий.

– Не лишено! – пискнул в ответ предмет.

Предмет, при ближайшем рассмотрении, он оказался мандолиной. Только откуда голему знать как выглядят мандолины, поэтому он уставился на нее немигающим взором и снова гаркнул:

– Что не лишено, деревяшка?!

---

⁵³ Голем (ивр. גולם) – персонаж еврейской мифологии, существо одной из основных стихий, или их сочетания, оживленное магами-каббалистами с помощью тайных знаний.

– Твоё высказывание не лишено смысла. – пискнула мандолина, голос ее был писклявый, противный такой, деревянный.

– А вот в жизни моей нет никакого смысла... – печально ухнул Афанасий.

– Как же так?! – проскрипел инструмент.

– Хозяин, старый маг, создал меня чтоб я защищал его жизнь, а сам взял да помер, – грусно пробасил голем, – от старости...

– О как! – поразились мандолина.

– Не лишено! – отозвался голем.

– А ты, как ты докатилась до жизни такой? – голем протянул каменную руку и выловил мандолину из воды.

– Меня сваял один мастер из груши...

– Из груши?! – перебил Афанасий. – Да-а груша у тебя что надо, зачарованно протянул он, оглядывая инструмент.

– Не перебивай! – взвизгнула мандолина. – Так вот, когда хозяин попробовал сыграть на мне, то страшно разозлился, ругался, даже рвал волосы на себе, а ночью отнес к мосту, да и запустил с размаха прямо в реку. Все орал, что у меня голос противный.

– Да ну?! – громовым раскатом поразился голем.

– Ну да! – сварливо проскрипел инструмент.

– А вот, мне вот, твой голос очень даже нравится, – смущенно произнес голем, – и груша твоя тоже ничего...

– Эй-эй! Ты что это удумал, истукан! – завопила мандо-

лина.

– А, кстати, откуда... то есть чем ты со мной разговариваешь? – Афанасий заинтересованно стал вертеть мандолину и взгляд остановился на пышно украшенном резонаторном отверстии.

– Прекрати сейчас же! – завизжала мандолина.

– Ага! – обрадовался голем и с размаху засадил мандолине прямо в голосник.

Мандолина с треском развалилась, осыпаясь кусками грушевой фанеры.

– Развра-а-ат! Развра-а-ат! – закричала ворона Аделаида, срываясь с ветки дерева и унеслась прочь.

Слушая последние строки, Евстахий не удержался и в голос заржал, от чего из спальни вновь показалась голова «Горгоны» и начала ругаться на Леерзона нецензурными словами, невзирая на присутствие третьих лиц. Тот, услышав такое от интеллигентнейшей супруги, потерял равновесие и рухнул, опрокинув табурет. Выроненные листы рукописи закружились над столом, как новогодние снежинки.

Жданский решил, что назревает семейный скандал и лишние участники тут ни к чему. Посему он залпом закинул в себя ликер и намеревался было идти, но поднявшись с дивана, ощутил, что ноги не слушают его, они были будто ватные. Следом навалилась дикая усталость от пережитого и выпитого, глаза начали непроизвольно слипаться, а организм сроч-

но требовал принять горизонтальное положение.

«А ведь есть что-то общее между ликером и супом...» – подумал Жданский как в тумане, от супа ему завсегда хотелось спать. Он успел присесть на край дивана. – «Нарколепсия...»⁵⁴ – успел подумать Жданский, но стоило ему слегка откинуться на спинку и силы окончательно покинули его, а сознание устремилось в пропасть.

---

⁵⁴ Нарколепсия (от др.-греч. νάρκη – оцепенение, сон и λήψις – приступ) – заболевание нервной системы, относящееся к гиперсомниям, характеризуется дневными приступами непреодолимой сонливости и приступами внезапного засыпания.

Глава V: Взад-назад

Сознание медленно возвращалось к Евстахию – он видел себя стремительно летящим по какой-то трубе, как в аквапарке, и почему-то ощущал, что вся спина у него мокрая, а трусы неприятно врезались промеж булок:

«Леерзон меня что ли в ванну положил спать?» – вяло подумал Жданский. – «Кстати, пьеса пошловатая вышла, надо будет сказать...» – он все еще держал глаза закрытыми, ощущая похмельную пульсацию в голове. – «А что за мерзкий запах? Забилась канализация? Или, может быть, я... обгадился?!»

Немного обождав и поразмыслив, Евстахий решил, что снайпером⁵⁵ он быть отказывается, из санитарных соображений. Тем временем смрад только усиливался, поэтому он сделал усилие и решительно открыл глаза. И тут же зажмурил их снова, не веря в увиденное:

– А-а-а, очнулся, mio amico russo!⁵⁶ Славно же тебя приложили! Но, сразу видно, что голова твоя к таким поворотам судьбы подготовлена – другой бы, от такого удара, копыта отбросил. Да и хорошо, что я догадался выйти следом за тобой, иначе могло бы и хуже дело кончиться. – произнес

---

⁵⁵ Находясь в засаде, на позиции, при нужде, снайперы вынуждены либо терпеть, либо испражняться под себя. (прим. автора).

⁵⁶ Мой русский друг (ит.)

до боли знакомый голос.

Осознав, что реальность куда хуже, чем предполагаемый сон в ванной у Леерзона и продрав, наконец, глаза он испустил жалобный стон, увидев склонившегося над ним менестреля с довольной улыбкой во всю рожу.

– Я уже битый час пытаюсь привести тебя в сознание. Уже думал за телегой идти, да вот все размышлял, собственно, куда тебя: к лекарю, иль сразу на погост, – криво ухмыльнулся Паоло, – но покойников я как-то не очень... Эй, эй! Я уже почти уже решился тащить тебя к лекарю и посмотреть, что он скажет. – быстро затараторил Паоло, глядя как Жданский начал закатывать глаза и грозился снова рухнуть в обморок.

Пара легких ударов по щекам слегка взбодрили Евстахия. Паоло, покрутив головой, быстро зачерпнул из ближайшей лужи пригоршню воды и брызнул Евстахию в лицо. От прохладной и далеко не чистой водицы последний окончательно пришел в себя и проявил завидную волю к жизни.

– Ты давай-ка с погостом обожди, у меня еще планов громадье. – Евстахий приподнялся на локтях и огляделся.

Он лежал на дне канавы, заполненной мутной зловонной жижей, а рядом на корточках примостился довольный Паоло.

– А что, – брезгливо заметил Жданский, пытаясь подняться на ноги, – вытащить меня из канавы и приводить в чувство в менее отвратном месте Заратуштра⁵⁷ не позволил?

---

⁵⁷ Заратуштра (также распространено Заратустра от авест. Zaratuštra) – ос-

– Зара-кто-сра? – искренне удивился менестрель, отряхивая сапоги от налипшей на них грязи.

– Заратуштра, – повторил Евстахий, морщась от головной боли, – ну, практически святой Петр.

– А-а! Да нет, если бы! – просиял Паоло. – Трактирщик сказал, что у тебя может быть перелом или сотрясение, ещё что-то про кровь в голове и белую желчь говорил, но я не особо понял. В общем, лучше было тебя не перемещать, а то окочурился бы, а потом со стражей объясняться. А у Пьера-трактирщика дедушка, он коновал в деревне, так он не только животину лечит, а и односельчанам помогает. Там, вправить кому чего надо, ушибы, порезы, да ссадины. Пьер говорит, его советов в области лекарства не только сельчане, а все окрестные жители прислушиваются. А иногда даже и с других деревень приходят, если занедужит кто. Ну, за настойкой там, на куриных пятках – это от запора, или там если роды у коровы тяжелые, то тут уже поможет микстура из трав, вымоченных в моче молодого поросенка, моча трехкратно упаренная, само собой, а вот если...

– Я понял! – остановил не на шутку разошедшегося менестреля Жданский. – Можешь не продолжать, я понял картину. Сельский Авиценна⁵⁸ натаскал внука в лекарском деле,

---

нователь зороастризма, жрец и пророк, которому было дано Откровение Ахура-Мазды в виде Авесты – священного писания зороастризма.

⁵⁸ Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан, известный на Западе как Авиценна – средневековый персидский ученый, философ и врач, представитель восточного аристотелизма.

а тот, наметанным глазом глянув на меня, лежащего во всей этой красоте, – Евстахий махнул руками в стороны, по которым простиралась пахучая канава, – вдохнул запах миазмов,⁵⁹ выслушал тебя и выдал авторитетный диагноз.

– Так всё и было, – осклабился Паоло Фарфаллоне.

Евстахий, наморщив лоб замолчал. Он вспомнил уроки первой помощи, которые посещал перед сдачей экзамена на права. Особо ему запомнились пояснения о пользе шлема у мотоциклистов:

– Основная задача шлема – сохранить ваш мозг в одном сосуде. – черно пошутил тогда инструктор скорой помощи.

– В принципе дело говорил, так что считай ты экзонерирован! – вернул варваризм Евстахий. – Давай-ка теперь думать, как мне отмыться. Не могу же я, в конце концов, в таком виде по городу шататься – меня ни в одно приличное место не пустят.

– Экзо-что? Чудные ты слова какие-то употребляешь, Евстахий, видно славно тебя огрели, а?

– И не говори, – согласился Евстахий, потирая шишку на затылке, – Я имел ввиду реабилитирован, такое славное слово имеющее латинские корни тебе понятно, мой Италья... – тут он осекся, вспомнив, что находится в XVII веке и Италии как таковой еще, вроде как, не было. – Кстати,

---

⁵⁹ Миазм или миазма (от др.-греч. μίαισμα – загрязнение, скверна) – устаревший медицинский термин, которым вплоть до конца XIX века обозначались обитающие в окружающей среде заразительные начала, о природе которых ничего не было известно.

а ты сам-то откуда?

– Из Пизы, Тосканское герцогство, – как-то неохотно бросил Паоло, – вот только не говори, что не знаешь!

Мокрый Евстахий сидел в канаве, с грязным лицом, усиленно морща лоб, и вспоминал историю 17-го века, про которую он довольно мало читал в последнее время, больше сосредоточившись на истории набегов татаро-монгол на Русь. В данный момент, производительности генерации цепочки воспоминаний позавидовал бы любой блокчейн-генератор⁶⁰.

– Эй! Давай, выбираться из этой канавы. – толкнул в бок, обеспокоенно глядя на впавшего в ступор Евстахия Паоло.

Жданский завертел головой, возвращаясь в альтернативную реальность, и нелепо хлопая глазами.

– А ты сам-то так мне и ничего и не сказал про себя, – меняя тему произнес Паоло Фарфаллоне, – Я до сих пор не знаю – кто ты и откуда.

Фарфаллоне подозрительно посмотрел на Жданского, наконец-то вылезшего из канавы и обликом напоминающего мифического Голема, а запахом то ли обитель кожевника, с подветренной стороны, то ли классический свинарник.

Голем-Жданский сделал попытку отряхнуть хотя бы сапоги, но быстро убедился в бессмысленности этой затеи и обреченно вздохнул:

---

⁶⁰ Блокчейн (англ. blockchain или block chain) – выстроенная по определённым правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связный список), содержащих информацию. Технология используется для «майнинга» криптовалют, типа Биткойн.

– Есть тут где помывочная, да желательно с прачечной?

Паоло, покрутив головой из стороны в сторону, кивнул.

– Вот там и поговорим! – обрадовался Евстахий.

Следуя за менестрелем и стараясь не обращать внимание на брезгливо-насмешливые взгляды прохожих, Евстахий попытался вспомнить события, предшествующие его очередному попаданию в эту альтернативную реальность. Он снова ощупал затылок и убедился, что проклятущая шишка никуда не делась, лишь слегка уменьшилась в размерах, да и головная боль, вроде, отступила. Затем он вспомнил слова менестреля о том, что тот его пытался привести целый час в чувство, в то время как его родной реальности прошел практически целый день.

«Так, к Леерзону я приехал около пяти вечера. Пока мы посидели, поговорили – прошло еще пару часов. А проснулся я около одиннадцати утра. Итого как минимум восемь часов прошло там и всего час тут. Интересненько... впрочем, а что мне это дает?» – Евстахий попытался придать смысл этому умозаключению, но внезапно ощутил резкий приступ тошноты и головной боли, которыми обычно сопровождается похмелье.

– Эй, Паоло, постой!

Менестрель остановился и озабоченно посмотрел на снова побледневшего Жданского.

– Что-то ты бледен, как смерть, уважаемый купец. Опять поплохело? – Паоло озабоченно подскочил к нему и взял под

локоток. – Давай-ка, обопрись об меня, не хватало тебя еще из одной сточной канавы вытаскивать. Слушай, а может точно у тебя это... сотрясение и придется делать трепанацию? Пьер говорил, ежели череп проломлен...

– Тьфу на тебя! – сморщился Жданский. – Нет у меня никакого сотрясения, ни дырок лишних в голове. И вообще, кто придумал, что при сотрясении помогает трепанация?

– Как это не помогает?! – искренне удивился менестрель. – Вот, помню, был у графини Шарль, конюх, так его лошадь копытом, да с подковой, в лоб ка-а-ак лягнула! Так думали все – конец! Местный лекарь все какими-то припарками лечить пытался – ничего не помогало. Но, на счастье, возвращался с войны один цирюльник⁶¹, с большим талантом к врачеванию, значит, и подсказал, мол – надо трепанацию делать. Мол, это первое дело на войне, при ранении в голову, или если булавой там приложили или припадок какой, когда трясет всего. А открытую рану, надо, мол, кипящим маслом заливать – иначе совсем конец. Ну, маслом заливать – лекарь не дал, сказал – варварство это, а над трепанацией задумался, да вроде и как разрешил. Терять-то нечего. Так цирюльник тот в момент все сделал, да и дальше поспешил, даже денег не взял – золотой человек! А Шарль быстро оправился, ага. Только вот заикаться начал и с памятью что-то все быстро забывать стал. А как не цирюльник

---

⁶¹ Цирюльник (через польск. *cyrulik* от лат. *chirurgus*) – исторически парикмахер и банщик, владеющий элементарными приёмами хирургии.

тот, так отошел бы Шарль в мир иной и поминай как звали. Кто б тогда графине за лошадьми смотрел?

– Вот тебя бы к делу и приставила, в перерывах между брэнчанием на лютне и адюльтером⁶² в графской спальне. Кстати, а где ее муж-граф? На войну небось ускакал?

– А ты откуда знаешь?! – Фарфаллоне аж встал, как вкопанный и устоялся на Жданского, затем растерянно продолжил. – Был старый граф. Ее довольно юную выдали замуж, уж не знаю, что там было, но как-то брачная ночь не сложилась, а потом граф уехал на войну,⁶³ да на ней и сгинул.

– О как! – повторил фразу из Леерзонской пьесы Жданский, приподнимая брови.

– Да, вот как-то так, – хмуро подтвердил менестрель, – вроде как и был муж, а вроде и не было. В общем, родственники скоро начали плести интриги, да и вышвырнули её обратно в отчий дом, лишив всего, разумеется.

– А что, так можно? Я имею в виду, разве это законно? – поразился своей свободолобивой натурой Жданский.

– Когда выбор ставится между стальным клинком под ребра и подписью на бумаге – это, как минимум, разумно, – грустно ответил Фарфаллоне.

От таких откровений у Жданского ажно засосало под ло-

---

⁶² Адюльтер – (книжн.) то же, что супружеская измена.

⁶³ Паоло здесь подразумевает Тридцатилетнюю войну – военный конфликт за гегемонию в Священной Римской империи германской нации и Европе, продолжавшийся с 1618 по 1648 год и затронувший в той или иной степени практически все европейские страны.

жечкой:

– Давай хоть пирожок какой, али крендель купим. Вон, как раз торговец стоит, только давай лучше ты к нему подойди, а то завидев меня, он как пить дать, сбежит, а то и стражу позовет – взмолил Евстахий своего провожатого.

Паоло дошел до навеса уличного торговца и, прикупив у лоточника несколько пирожков с яблоками, вернулся к Жданскому, вручая сдобу.

– Вернулась она значит в отчий дом, вроде как и не было замужества, – продолжил повествование менестрель, откусывая пирожок, – да из огня, да в полымя! Папенька тотчас удумал сосватать ее снова, но на этот раз за кого титулом пониже, естественно ничего у Франчески не спросив, ну «порченный товар», сам понимаешь, чего уж там спрашивать! – он глянул на Жданского.

Евстахий только махал чумазой головой, в такт рассказу, и округлял глаза. Лишь на части рассказа о подобии женского выбора, его внутренняя, шовинистическая свинья довольно хрюкнула, сам же Жданский едва заметно ухмыльнулся. Тем временем Фарфаллоне продолжал:

– Пробовал папенька сосватать ее за сына соседского барона сначала, так она ему в вино, на званом ужине, что-то ядреное подсыпала и баронет всю ночь потом провел в уборной, говорили, воплям бы позавидовал любой олень во время гона. А утром взбешенный барон умчал прочь. А баронета вроде как аж на повозке везли обратно, не до лошади ему

было. Потом еще женихи были, но все ей как-то не по нраву приходились. Одного, особо настырного, даже пыталась в бочке с яблочным сидром утопить. И утопила бы, если бы папеньке вовремя не доложили. Сам, ухажер-то, принял это за игру, да и сидра откушал знатно, если бы не граф-отец – так бы и остался бы в бочке, «замаринованный». У них род хоть и знатный, но бедный, вот отец ее, граф Франсуа, и стремился всячески дела поправить, через дочкин брак. А та – ни в какую! Заявила, хочу мол настоящего мужика, а не этих либералианов да хлюпиков изнеженных.

– А ты, стало быть, «настоящим» оказался, – с ухмылкой произнес Евстахий.

– Нет, ну я, конечно, не благородный рыцарь и даже не барон, но мужчина хоть куда, – распустил перья Паоло, – я и на лютне играть умею, на гитаре, кое-что в строительстве понимаю – у одного маркиза-архитектора служил, а ежели опасность какая, так и шпагой могу проткнуть обидчика, коли придется. – на последней фразе Жданский едко хрюкнул, но Фарфаллоне не придавал этому значения и продолжил. – Так что если нужда припрет или кто за щедрую монету предложит руками поработать – то и прохуdivшуюся крышу подлатать могу, стену там заделать, ну, как минимум, знаю кого нанять, задешево... Да и в делах любовных тоже не промах, знаешь ли. – подмигнул Паоло чумазому Евстахию.

Тот хмурил лоб, вспоминая собственные победы, например собственноручно скрученную секцию из ИКЕА, кото-

рую он собирал три дня с Леерзоном. Последний соблазнился халявной выпивкой, щедро предложенной Евстахием, но оглядев фронт работ, был готов в панике бежать с поля боя и только коварно налитая рюмка рома со специями, да обаяние друга, переломили ход событий. На третий день батальи с секцией – оборона проклятого шведского изделия, наконец, пала. Из победоносных реминисценций⁶⁴

---

⁶⁴ Реминисценция (латин. *reminiscentia*) – воспоминание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.